

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 11

1971

Берды КЕРБАБАЕВ

П А С Т У Х

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 11

Берды КЕРБАБАЕВ

ПАСТУХ

РАССКАЗЫ

Перевод с туркменского

Издательство «ПРАВДА»
Москва, 1971

Берды КЕРБАБАЕВ

Берды Мурадович Кербабев родился 15 марта 1894 года в ауле Аманша-капан (ныне Коуки-Зеренг) в крестьянской семье. Учился в медресе, после Октябрьской революции — на восточном факультете Ленинградского университета (1927—1928 гг.).

Б. Кербабев — один из зачинателей туркменской реалистической прозы и драматургии, свой творческий путь начал как поэт, публикуя сатирические стихи на злободневные темы в газете «Туркменистан», журнале «Тожмак» еще в 1925 году. Писатель плодотворно работает и создает поэмы, стихотворения, пьесы, рассказы, очерки. Хорошо известны читателю написанные в годы Великой Отечественной войны поэма «Айлар» (1943), историческая драма в стихах «Махтумкули» (1943).

Б. Кербабев создал либретто первой туркменской оперы на современную тему «Абадан» (1941).

В 1940—1947 годах Б. Кербабев трудился над историко-революционным полотном «Решающий шаг», утвердившим в туркменской литературе жанр романа. В 1948 году роман был удостоен Государственной премии СССР. В 1949 году писатель публикует повесть «Айсолтан из страны белого золота», также отмеченную Государственной премией СССР.

Значительным явлением в литературе стали его романы «Небит-Даг» (1957) и «Чудом рожденный» (1967).

Б. Кербабев известен как литературовед, знаток классической поэзии, туркменского фольклора. В 1926 году он подготовил к изданию собрание стихотворений великого туркменского поэта XVIII века Махтумкули.

Много переводит на туркменский язык русскую классическую и современную литературу.

Б. Кербабев — Герой Социалистического Труда (1969), академик Академии наук Туркменской ССР, заслуженный деятель искусства Туркменской ССР, депутат Верховного Совета своей республики.

Член КПСС с 1948 года.

ПЕСЧАНОЙ ЗАПРУДЕ НЕ СДЕРЖАТЬ ПОТОКА

Что стряслось с нашей Акнабад?.. Смотрю на нее и не узнаю. Вроде это она... И вместе с тем совсем на себя не похожа. И она — и не она!..

Что же с ней случилось?

Совсем недавно, когда я был у них в колхозе — это недалеко от Мары,— я видел Акнабад на школьном выпускном вечере. Она была радостно возбуждена, с губ не сходила широкая улыбка, из-за этой улыбки ее румяные щеки казались пухлыми. Еще бы ей было не радоваться: она с отличием окончила десятилетку и теперь сидела в зале, среди подруг, с таким видом, словно взяла верх в жарком, упорном споре или же в долгом и трудном кроссе первой пришла к финишу. Радостное волнение красило ее, хотя она и без того была хороша: чуть выпуклый, чистый лоб, четкие, бархатистые брови и длинные, густые ресницы, нежно оттенявшие прозрачно-голубоватые веки... А глаза сияли, лучились, в них было тепло, свет и счастье. Даже оспинки, справа от носа, не портили ее лицо, а, наоборот, делали еще миловидней.

Выпускницы, подружки Акнабад, делились друг с другом своими планами: одни собирались учиться в университете, другие — в медицинском институте, третьи были готовы поступить куда угодно, лишь бы получить высшее образование. Одна Акнабад не принимала участия в этом оживленном разговоре: она решила пока никуда не подавать заявления.

Подружки допрашивали ее расспросами:

— Кыз, Акнабад, почему ты так решила?.. Ты же отличница, тебя примут без всякого.

Акнабад только улыбалась:

— Год-два хочу в колхозе поработать. Землю понять.

— Землю?..

— Ну да! Впереди-то сельскохозяйственный. Думаю стать агрономом.

Подружки ужасались:

— Чего-чего? Агрономом?.. Бродить от зари до зари по полям, изнашивая в месяц по две пары сапог?.. Нет, не женское это дело.

— Почему? Агрономы, зоотехники, механики, ветеринары — разве плохо?

— Только не для женщин!

— Что-то, девочки, совсем вы себя не уважаете!..— смеялась Акнабад.— Да мы все сможем, если захотим!.. Но если уж говорить правду, то я мечтаю о селекционной работе. Над хлопком.

— Уж не попытаешься ли изменить его цвет?.. Чтоб он из «белого золота» превратился в красное или голубое?!

— Пускай уж остается белым!.. Нет, я выведу скороспелые сорта хлопчатника. Ведь говорят же о дынях: «Через шестьдесят дней собирай там, где посеял, через семьдесят — всюду, где хочешь». И верно, они быстро созревают. И арбузы тоже. И кукуруза и кунжут. Почему же нельзя добиться, чтобы и хлопчатник рос побыстрее?

— Всею свое время.

— А я попробую это время сократить!

— Так оно ж не веревка, чтобы его можно было растянуть или обрубить ножом!

— Время, время... Каждая секунда — это золотое зернышко, сброшенное с хирмана жизни. Зачем эти зернышки разбрасывать попусту? От посева до сбора хлопчатника — полгода. Сбор начинают в конце августа — не раньше, не позже. Пойдут дожди раньше срока или ударят морозы, пропадет часть урожая — весь труд пропал. Наверно, можно вывести такой сорт хлопчатника, который и поспевал бы быстрее, до дождей и морозов, и давал богатые урожаи.

Я с удовольствием слушал Акнабад.

Подруги хоть и спорили, но прислушивались к ее словам с уважением: видно, в нее верили. Правда, они не знали об одной тайне Акнабад — что в колхозе ее удерживало не только желание «понять землю», но и нежелание разлучаться с одним молодым джигитом, механизатором Айдогды, который, по странному совпадению, тоже еще на год-два должен был отложить учебу, чтобы помочь землякам убирать хлопок.

...И вот прошло всего несколько месяцев, а я гляжу на девушку и не узнаю ее. И дело не только в том, что она чуть огрубела внешне: черные косы припорошены пылью, кожа загорелая, обветренная и вместо наряда из кетени — алача¹. Как раз эти перемены в ней выглядели естественными: ведь все это

---

¹ Алача — платье из грубой ткани.

время она работала в поле, под жгучим солнцем. Другое тревожило при взгляде на девушку. Казалось, птица счастья слетела с ее чела. Лицо, еще недавно сиявшее, словно луна, померкло, лучистые глаза затуманились печалью, с увядших щек сошел яркий румянец; мне даже почудилось, будто и ее чистый лоб оплетен паутиной неурочных морщинок...

Правда, минутой, когда Акнабад поднимала ресницы, в глазах ее можно было увидеть искорки. Но тут же она снова опускала голову, и опять что-то потерянное было в ней...

Что произошло с Акнабад за это время?

Позднее я узнал все...

К калитке двора, где жила Акнабад, подкатил на велосипеде почтальон, вручил девушке письмо и поехал дальше. Акнабад торопливо вскрыла конверт, пробежала письмо глазами, и радость, смешанная с болью, отразилась на ее лице. Письмо было от одной из ее подруг, поступившей в медицинский институт. «Акнабад, подружка моя, ты и не представляешь, как я счастлива!.. Учусь, грызу гранит науки. Курс у нас дружный, в общестии шумно, весело. И ни минутки свободной... Что ни говори, а живем в столичном городе — крупном культурном центре!.. Каждый день что-нибудь новое. Впечатлений целый мешок!.. В общем, и я и другие твои подруги всем довольны, и лишь тебя нам не хватает...»

Акнабад читала письмо, и губы ее чуть шевелились, а в глазах стояли слезы. «Ох, подружка, напрасно ты не поехала с нами. Мы, конечно, были бы рады узнать, что ты, как и мечтала, занимаешься своей селекцией и добилась успехов в работе... Но от тебя нет вестей, и это нас всех беспокоит, бог весть какие мысли приходят в голову... Что с тобой, кыз Акнабад? Может, ты заболела?.. Или приключилась другая какая беда?»

Письмо выпало из рук Акнабад.

Подруги ее довольны и счастливы. Судьба улыбнулась им... А ей?.. Да, напрасно она не поехала учиться... Подруги не знали, что она осталась из-за Айдогды. Оба мечтали о счастье, думали никогда не разлучаться!.. И вот уж сколько времени не видятся. Словно высокая черная гора встала между ними, и нет такого динамита, который взорвал бы эту гору, нет самолета, чтобы перелететь через нее...

Думала ли, гадала ли она, что на ее пути вдруг возникнет непреодолимая преграда?.. Или ей на роду написано быть несчастной?.. Уж коль судьба от тебя отвернется, жди всяких бед: то ноги тебе исцарапают колючки или изранят острые камни, то ты очутишься перед пропастью, то лавина обрушится на твою голо-

ву... Ей бы радоваться жизни, распускаясь, как бутон цветка! Она любит жизнь, ветер, солнце. Каким же морозом побило ее алые лепестки?.. Тянулась к счастью — кто же так крепко натянул поводья, чтобы осадить ее, оттащить назад, от света к мраку, от мечты к безнадежности?..

Как это ни горько, но в страданиях Акнабад были виноваты отец и мать. Ближе их никого не было у девушки... И в их воле было подарить ей радость или сделать несчастной на всю жизнь. Они решали ее судьбу. И решили ее против желания Акнабад... Тайком от дочери, ни слова не сказав, они сговорились со сватами, может быть, получили даже калым. И вот уже Акнабад — невеста, хотя она и в глаза не видела своего жениха. Завтра за ней должен прибыть гелиналджи — свадебный поезд. До свадьбы оставался лишь один день. Один день... Всего несколько драгоценных зернышек времени!..

Трудно поверить, что в наши-то дни советская девушка, окончившая школу, полноправная хозяйка жизни, и вдруг невольна в своих решениях. Ведь всюду торжествует советская новь!.. Однако известно, что старое не сдается без боя. Оно уже почти выросло из сил, но еще гнездится в иных человеческих душах. И когда это зло затаилось в твоих родных, нелегко ему противиться. Любовь и почтение к родителям, давняя традиция, требующая безропотного послушания отцу и матери, подчас обезоруживают детей, делают их беззащитными. Акнабад умела любить, трудиться, мечтать, но ее не научили отстаивать свою свободу и достоинство, бороться с неожиданными бедами, и она чувствовала себя бессильной перед упрямым своеволием отца и матери.

Акнабад все еще горько размышляла над письмом подруги, когда в комнату вошла ее мать, Бессир-эдже. Уже по одному тому, что на одну ногу мать забыла натянуть чулок, можно было догадаться, как измотана она хлопотами и заботами последних дней. Видно, успела обежать многие дома в поселке: войдя, долго не могла отдышаться, по лицу градом лил пот. Увидев, что дочь неподвижно сидит на диване, она, отдуваясь, спросила:

— Дошила платье?

Акнабад покачала головой.

— Так что же ты тут рассиживаешься? — рассердилась мать. — Принимайся за работу.

— Мне ни к чему это платье, — тихо, словно через силу, проговорила Акнабад. — Все равно я его не надену.

Бессир-эдже уставилась на дочь, глаза ее сузились:

— Что?.. Как это не наденешь?.. Ведь это твое свадебное платье!

— Я не давала согласия на эту свадьбу...

— Аллах великий!.. Да кому нужно твое согласие? Слава богу, у тебя живы отец и мать, есть кому подумать о твоей судьбе!..

Акнабад, не поднимая головы, сказала:

— Сама позабочусь о своем будущем.

— Тьфу, чтоб тебе отрезали волосы!.. Так-то ты платишь нам за нашу доброту?.. Ишь заупрявилась, решила свой нрав показать!.. Поглядите-ка на нее: «Сама»!.. Да ты еще не умеешь отличать белое от черного!

— Отличаю, мама... Меня ведь недаром учили десять лет.

— Так это школа отняла у тебя разум?.. Вот и отдавай туда детей!.. Боже, что мне делать с этой непонятливой? — Бессир-эдже ударила себя в грудь: — Ведь о твоём же благе печемся!.. Ишь ты!.. — Она уперлась в бока кулаками, еще больше выпятила живот. — Она «сама»! Да вам дай только волю... Ты погляди на дочь Мыллы Кынна — вот уж самостоятельная так самостоятельная... Швырнула через плечо и девичий стыд, и честь, и совесть!.. Вырядилась-то как: платье в обтяжку, что там под ним — все видно. Ну, голая и голая. И ноги, прости господи, голые, как коровье вымя. А волосы, чтоб им пропасть, словно подрезанный хвост жеребенка. Тьфу, смотреть тошно! Да не дай бог никому из дочерей походить на эту распутницу!.. — Бессир-эдже пристально глянула на Акнабад. — Или тебя манит такая судьба?..

— Нет, мама. — Акнабад готова была расплакаться, но вымолвила: — Страшит меня та доля, которая уготована вами... Эдже-джан, ты своими руками толкаешь меня в огонь...

— Горе мне, горе!.. Такова-то твоя благодарность за все наши заботы?.. Я ведь хочу посадить тебя на коня счастья...

Акнабад уже нечего было терять. И, перебив мать, она решительно заявила:

— Эдже-джан, я уже нашла свое счастье. У меня есть любимый.

У Бессир-эдже глаза чуть не вылезли из орбит.

— Тьфу, тьфу, тьфу!.. Постыдилась бы, несчастная!.. Какой такой любимый?.. Забудь это слово. Ты полюбишь того, на кого падет выбор отца и матери.

— Нет, мама. Я человек, а не уздечка, которую можно накинуть на шею любого верблюда.

— Верблюжонок, ты последуешь за тем, к чьему хвосту привяжут тебя отец и мать!

Акнабад поднялась, глаза ее разгорелись:

— Лучше я лишусь жизни...

Мать не дала ей договорить:

— Замолчи!.. Что ты болтаешь?.. Разве мы худого тебе же-

лаем?.. Твой жених достойный человек. С достатком. Будешь как сыр в масле кататься...

— Эдже-джан, по мне лучше трудиться, не разгибая спины, чем плавать в медовом озере, живя с чужим человеком...

— С чужим!.. Это муж-то — чужой?.. Ничего, доченька, стерпится — слюбится. Разве ты одна такая, кому выбирают мужа родители?.. Разве я по своей воле пошла за твоего отца?

Акнабад тяжело, исподлобья взглянула на мать:

— И ты теперь мстишь мне за себя, посылая по той же дороге?

— Эй, укороти свой язык, пока земля тебя не поглотила!.. Я хоть когда-нибудь жаловалась на свою жизнь?.. Дай бог, чтоб тебе так жилось.

— В страхе перед мужем?.. Я ведь знаю, ты не принуждала меня к замужеству, если бы этого не хотел отец.

Бессир-эдже, ахнув от возмущения, обеими руками оттолкнула от себя дочь.

— Аллах великий, пожалей нечестивицу!.. Да уберется она от твоей кары!..

— Эдже-джан...

— Замолчи! И слушать тебя не желаю.— Бессир-эдже трясась от гнева.— А ты меня послушай. Если ты даже не сошьешь себе платье, я закутаю тебя в палас, так и отдам жениху!

— Лучше заверните в саван и заройте в землю! — в отчаянии выкрикнула Акнабад.— И запомните, вам не удастся пользоваться калымом!.. Придется вернуть его жениху!

Бессир-эдже в ошеломлении даже попятилась от дочери: — Боже, что она говорит! Какой такой калым?..

Однако глаза ее виновато бегали, она как-то обмякла. И, заметив ее растерянность, Акнабад уверенно продолжала:

— Да не имей вы от этого какой-то выгоды, разве вы настаивали бы так на моем замужестве?

В глазах у Бессир-эдже заблестели слезы:

— Неблагодарная!.. Алла-джан, убереги нас от позора и злого языка! — И, громко всхлипнув, она выбежала из комнаты.

Как ни тяжело было Акнабад, попавшей в капкан, поставленный родителями, ей все же стало жалко мать... Говорят, с досады человек порой готов выбранить и бога... Боль, возмущение заставили Акнабад непочтительно разговаривать с матерью. А так ли уж мать виновата?.. Ведь она испоила дочь своим молоком, выкормила ее, вырастила... Если бы Акнабад вышла замуж свободно, по велению сердца, по любви, Бессир-эдже восприняла бы ее поступок как беду, потому что он выходил бы за рамки всего, к чему она привыкла. И, наоборот, она уверена, что дочь будет счастлива, если она сама найдет для нее мужа. Так уж по-

велось от века... И хотя Акнабад попрекнула мать калымом, на самом деле она не думала, что ее родители взяли калым из жадности или чтобы поправить хозяйство,— нет, ведь они жили, не зная нужды, просто так было заведено дедами и прадедами и мать и отец Акнабад следовали лишь древнему обычаю. И если мать и виновата, то только в том, что она старше. А почему, собственно, из-за этого должна страдать она, Акнабад?.. Обычай?.. Но почему же она-то должна приносить себя в жертву этим обычаям?.. Акнабад встала, подошла к окну. Во дворе стоя подремывали овцы... Жизни им отмерено всего один день, завтра с восходом солнца они безропотно пойдут под нож, покорные, сытые, вернее, откормленные на убой. Что же, и ей, Акнабад, уподобиться этим овцам?.. Она усмехнулась. Ну, нет, тысячу раз нет!

Она и сама не заметила, как направилась к двери, вышла во двор... Только во дворе она огляделась, и ей почудилось, будто в воздухе разлита какая-то тревога, как перед бурей... Но буря назревала лишь в душе самой Акнабад, а вокруг все было тихо и спокойно, на небе ни облачка, усталое солнце клонилось к западу. В поселке — никого, стояла уборочная страда, все были в поле. Тихо... Лишь где-то вдалеке урчал мотор, да мимо прогромыхла машина, подняв пыль.

Акнабад вздохнула и, открыв калитку, шагнула на улицу.

Бессир-эдже, которая стояла возле кучи саксаула, наваленного у дверей сарая, увидев, что дочь куда-то уходит, беспомощно забормотала вслух: «Вай, вай, что же мне делать, несчастной?.. Может, она надумала совсем покинуть родной дом?.. Ведь сказала же, что не удастся нам попользоваться калымом... Не зря она это сказала!.. Аллах великий, того гляди, пойдет еще в правление колхоза, нажалуется на нас, опозорит на весь аул!.. Пока дочь послушна, ее нечего бояться, а выйдет из повиновения, не оберешься беды...» Услышав свой собственный голос, глухой, потерянный, Бессир-эдже поспешно прикрыла рот ладонью. А в висках у нее продолжало стучать: «Позор, позор...» Калым-то уже взят. И деньги получены, и баранов им привели — вон стоят... А невесты и след протыли... «Стыд-то, стыд-то какой!..» Она представила себе завтрашний день, когда от жениха придут за ее дочерью. По спине прошла дрожь, как от озноба, она невольно вскрикнула:

— Аю, отец!.. Осрамила нас дочь, слышишь?

Голос ее — в безветрии — разнесся далеко, но в поселке было безлюдно, и никто ее не слышал. И тут же она спохватилась, вполнощенно подумала: «Вай, а если сейчас отец заявится и прознает про все... Не миновать беды! Догонит бедняжку и в сердцах-то бог весть что может натворить...» Она суеверно

поплевала себе за пазуху и обессиленно прислонилась спиной к куче саксаула. «Алла-джан, подскажи, что делать?! И старика-то боюсь и за дочь боюсь... Сердце-то прямо к горлу подступило, вот-вот выскочит.— Бессир-эдже вдруг с силой стукнула себя кулаком по лбу: — Ах, дурья башка!.. Может, зря я на дочку-то накинулась? У нас своя жизнь, у нее своя. Ведь и вправду недаром же она в школе училась. Видела и слышала иное, чем мы, старые коряги. Иными водами омыта, иным солнцем угрета. А я-то о ней все по себе сужу!.. Как же теперь быть-то?.. Может, дожидаться старика, повалиться ему в ноги да попросить по-хорошему: давай, мол, не будем дочку-то обижать? Да, а как же калым?.. И бараны для свадебного тоя уже во дворе. Ох, голова кругом идет!» Но в это время во дворе появилась Акнабад. Бессир-эдже, завидев ее, обрадованно улыбнулась и с облегчением выбранила себя: «Ах, чтоб мне пропасть, и с чего это я размякла-то!.. Разве такая примерная дочь, как Акнабад, пойдет против родительской воли?.. Кровинка моя, умница-разумница, она не заставит нас краснеть... А я-то, дура, чуть не няня голосу сатаны!.. Вот уж тогда и вправду опозорилась бы на весь аул!..» И она приветливо обратилась к дочери:

— Акнабад-джан, серна моя, ты уж не сердись на свою мать. У меня и в мыслях не было тебя обидеть. Да я не допущу, чтобы и малая колючка вонзилась тебе в ногу!

Акнабад обняла мать:

— Эдже-джан, я знала, что ты меня поймешь!.. Ты уж сама с отцом поговори, ладно?.. Пусть он вернет калым.

Бессир-эдже так и замерла с полуоткрытым ртом... А когда наконец уразумела, о чем говорит дочь, то вздохнула укоризненно:

— И не стыдно тебе, дочь моя?.. Ты что же, решила, что я пошла на попятный? И не жди этого!.. Мы с отцом не позволим тебе покрыть позором наши седые головы.

Акнабад тоже вздохнула, коротко и разочарованно. Они стояли друг против друга — мать и дочь, — и в упор смотрели друг на друга, и вели разговор одними глазами. Выражение глаз Бессир-эдже было, как качающиеся весы: суровость сменялась в них неуверенностью, неуверенность — мольбой. Они словно бы упрашивали Акнабад: «Доченька, послушайся родителей, всю жизнь будешь нас благодарить...» А глаза Акнабад выражали другое: «Нет, эдже-джан, не бывать по-вашему, вырвусь из этого капкана!..»

Молча разошлись они по своим комнатам.

Начало смеркаться. Акнабад сидела, думала.

Щелкнул выключатель, электрическая лампочка озарила комнату ярким светом. Акнабад вздрогнула, подняла голову. Пе-

ред ней стоял отец — мрачный, сурово-неприступный. Видно, мать уже успела доложить ему о своем разговоре с дочерью. Акнабад встала, положила руки на плечи отца, сказала просяще:

— Отец, надо поговорить...

Отец сбросил ее руки со своих плеч, жестко отрезал:

— Я знаю, что ты скажешь! И вот тебе мой ответ: лучше молчи!

Вышел из комнаты.

Акнабад снова опустилась на диван, закрыв лицо ладонями.

Но она уже знала, как ей поступить. Вспомнились слова Айдогды, с которым она как-то встретилась украдкой и поделилась своим горем: «Все зависит от тебя... Все эти старые обычаи — песчаная запруда, она не устоит перед потоком новой жизни. Если только ты сама не опустишь руки... В конце концов есть у нас и правление колхоза, и парторганизация, и комитет комсомола. Они не дадут тебя в обиду». А еще он предложил пойти в сельсовет, зарегистрироваться тайком от родителей Акнабад, поставив их перед свершившимся фактом. У нее тогда не хватило на это ни смелости, ни решимости. И теперь она горько укоряла себя за трусость и безволие: «Айдогды, Айдогды, почему я тебя не послушала? Глупая я, глупая... Где ты сейчас, любимый, что бы ты мне сейчас посоветовал?.. Ведь огонь, в котором меня хотят сжечь, опалит и тебя... Нет!.. Я не допущу этого!» Акнабад готова была убежать из дому, громко взывать о помощи... Но время было уже позднее.

Во дворе рассказывал отец. Сегодня он не уснет, будет всю ночь сторожить Акнабад. Стоит ей выйти из дому, как он схватит ее, избьет до полусмерти. Он и не на такое способен — ведь все поборники старины слепо нетерпимы и жестоки. Акнабад ясно представила себе, как отец, яростным ударом свалив на землю, топчет ее своими сапогами, и съезжилась... А может, убежать на айван и крикнуть во весь голос: «Помогите, добрые люди!..» Нет, нет... Отец задушит, убьет ее. Ведь на стене у него висят и ружье и охотничий нож в ножнах. И он ни перед чем не остановится!.. Что же, значит, сидеть здесь в бездействии всю ночь и ждать?.. Но ночь сменится утром... Завтрашним утром!.. Утром свадьбы.

Сердце у Акнабад то сжималось от страха, то начинало биться трепетно и сильно, как птица, рвущаяся из клетки к ясному, высокому небу, к солнцу, к счастью, к будущему!.. А за окном стояла густая тьма, и лишь звезды смотрели вниз, на землю, мигая золотыми ресницами, словно дивясь чему-то.

...А ранним утром жители поселка увидели бегущую по улице девушку с туфлями в руках. Она бежала во весь дух, босые ее

пятки мелькали, поднимая легкие фонтанчики пыли, она то и дело оглядывалась. Это была Акнабад. Она бежала от отца, который гнался за ней, размахивая увесистой палкой. Казалось, он вот-вот достигнет девушку...

В сельсовете шло совещание о хлопкоуборочных работах, когда туда ворвалась запыхавшаяся Акнабад. К ней кинулся высокий, статный парень:

— Акнабад!.. Что с тобой?

— Айдогды...— Она показала рукой на дверь: — Там... отец... Он... меня...

Она говорила сбивчиво, запинаясь от волнения, но Айдогды все понял без слов. Вокруг были люди, и он только сказал:

— Не бойся, Акнабад. Ты не одна. Нас много.

В дверях возник длинный, тощий мужчина с бородой, уже начинающей седеть,— отец Акнабад. Он тяжело дышал, рука судорожно сжимала палку. Увидев, что здесь полно народу, он застыл на пороге. На минуту воцарилась гнетущая тишина. Потом с места поднялся председатель сельсовета. Он обратился к присутствующим:

— Вы ведь в курсе дела, товарищи?.. Если бы Акнабад и не пришла к нам, мы бы все равно вмешались в эту историю, позорящую наш поселок. Молодец, Акнабад!.. А теперь я вот что хочу предложить, раз уж все мы в сборе: завтра будет общественный суд над Хайдаром, сыном Курре. Кто за?

Люди подняли руки.

Хайдар, сын Курре, понурил голову. Палка тяжело упала к его ногам.

ВОЛЧЬЯ ВПАДИНА

Ранней ранью, в утренних сумерках, по улицам колхозного поселка неторопливо шагал седобородый, коренастый мужчина. Сразу было видно, что он нездешний. По улицам, по асфальтированному шоссе, выбегавшему из поселка, уже спешил на работу народ. Люди шли, не оглядываясь по сторонам, с видом сосредоточенным и целеустремленным. А седобородый то и дело останавливался, пристально вглядываясь в каждый дом, и в раздумье теребил свою бороду, и удивленно покачивал головой, словно не веря своим глазам, и губы его беззвучно шевелились, будто он разговаривал с самим собой.

Он и правда все не мог прийти в себя от изумления. Аллах великий, может, все это ему мерещится?.. Места-то совсем незнакомые. Да нет!.. Вон виднеются трубы Безмеинского цементного завода. И встретил же его здесь племянник Тахир, к которому он приехал. Выходит, он попал туда, куда нужно. Это тот самый поселок, который он покинул лет двадцать назад, только-только вернувшись с фронта. Однако как же все изменилось за эти годы! И не узнать!.. Из того, что он помнил, ничего не осталось, все новое. Новые дома под железом и шифером. Совсем юные, но уже в пышной силе сады. И этих магазинов, и чайханы, и двухэтажной школы, и швейной мастерской, и завода, расположившегося за линией железной дороги, и электрических проводов, тянувшихся к каждому дому,— всего этого при нем тоже не было. Растерянный, ошеломленный, старик все смотрел и смотрел вокруг жадным взором и недоверчиво и вместе с тем восхищенно цокал языком. Город! Ну, ни дать ни взять— город!..

Старик обошел весь поселок. Когда подошел снова к дому племянника, то увидел, что тот возится с «Москвичом». Это был молодой джигит, плотный, как и дядюшка, с копной черных, словно деготь, волос. Вот он поднял голову, лицо его осветилось улыбкой:

— Дядя Токар!.. Чай уже готов.

Он повесил на ветку дерева тряпку, которой обтирал кузов машины, выпрямился, с любопытством приглядываясь к дядюшке, который не спеша шествовал к дому. Токар прибыл в Безмеин вчера, вечерним поездом, и заявился к племяннику поздней ночью. Тот так и не успел как следует разглядеть неурочного гостя. А утром ни свет ни заря старик отправился полюбоваться поселком.

Тахиру в свое время довелось наслышаться от односельчан всяких былей и небылиц про своего дядю. Но самого-то дядю он помнил смутно: Токар перебрался из поселка в Мары, когда Тахиру было всего лет семь. И вчера, когда дядюшка среди ночи нагрнулся к нему в дом, Тахир с трудом его узнал, и то лишь после того, как тот назвал себя.

Надо отдать ему должное: старик выглядел молодцом. К его чуть одутловатому лицу очень шла округлая белая борода, она совсем его не старила, наоборот, придавала какую-то щеголеватость. Раскосые, узкие глаза, не утратившие своего блеска, озорно, задорно посверкивали из-под густых бровей.

Когда дядюшка оказался рядом с ним, Тахир полюбопытствовал:

— Ну как, дядя Токар, понравился тебе наш поселок?

Но только старик раскрыл рот для ответа, как вдали, в восточной стороне, прогремели выстрелы. В утренней тишине они прозвучали громко и отчетливо. Токар насторожился, указывая рукой на восток, спросил у племянника:

— Кто это развоевался, в песках-то?

Тахир чуть насмешливо воззрился на дядю:

— В песках? Дядя Токар, ты что, с луны свалился?

Токар обиженно нахмурился:

— Эй, как с дядей разговариваешь? Что ж, по-твоему, я ослышался? Или, может, думаешь, что твой дядя рехнулся на старости лет?

Тахир поспешил успокоить дядюшку:

— Что ты, что ты, дядя Токар!.. Какой же ты старик? — Он лукаво усмехнулся: — Жаль, что законы не разрешают, не то бы я подыскал тебе еще одну жену...

Слова племянника польстили Токару, он не без самодовольства погладил свою бороду, уже миролюбиво произнес:

— Так кто же это все-таки стреляет в песках?

— В песках... — Опять как-то неопределенно протянул Тахир и, прищурясь, взглянул на дядю. — Ты, наверное, знаешь, что в пустыню пришла вода?

— Ты, сынок, не думай, что я совсем уж темный дехканин. Я про все знаю: и про воду и про Каракумский канал. Читал,

что сейчас строится третья очередь... Но мы с тобой, словно двое слепых, которые кидают друг в друга камни.— В это время снова послышались выстрелы.— Слышал? Так вот. Я тебе про выстрелы. А ты мне про воду!

Племянник с деланной небрежностью пожал плечами:

— Что ж, выстрелы... Это из ружей стреляют.

— Сам слышу, что не из пулемета.— Токар начинал злиться.— И полагаю, что это и не машина, которая бурит камень. Я тебя спрашиваю: какому это ослу приспичило поднимать стрельбу в пустыне?

— Почему же ослу? Это охотники,— с прежним спокойствием проговорил Тахир.

Казалось, Токар вот-вот выйдет из себя, глаза совсем исчезли под сведенными бровями, на левой щеке подрагивал шрам — след от давней раны.

— Молод ты еще надо мной смеяться. Если ты считаешь, что я выжил из ума и со мной можно только шутки шутить... Хорошо, я уеду...— Племянник протестующе поднял руку, но Токар, не давая ему вставить слово, продолжал: — Или пойду в поселок, отыщу такого же старика, как я сам, с ним и отведу душу...

Тахир, почувствовав, что старик рассердился не на шутку, извиняющимся тоном сказал:

— Ты зря обижаешься, дядя Токар. Я и не думал над тобой смеяться. Говорю совершенно серьезно: это охотники. Ты же слышишь: стреляют из охотничьих ружей.

— Слышу. Еще как слышу! — взорвался Токар.— Уши оглохли от этих выстрелов. Ты мне растолкуй, старому дураку, откуда там охотники? Ведь это же в Волчьей впадине, верно?

— Точно,— кивнул Тахир.

— Так что там делают охотники?.. Э, я хорошо помню эти места. Там прошли и детство мое и молодость. Так за все это время только однажды самому лучшему охотнику, Гыды Мергену, удалось подстрелить в Волчьей впадине зайца, да и тот заскочил туда случайно. Какая же там, к черту, может быть охота?

Тахир снова перешел на подзадоривающе-безразличный тон:

— А где озеро, там всегда охота.

— Какое еще озеро?!

— Дядюшка, я ведь не случайно заговорил о воде в пустыне. Той Волчьей впадины, какую ты помнишь, давно уже нет. Там теперь озеро. И сейчас на этом озере полным-полно уток и качкалдаков¹. Самое время для охоты!

¹ Качкалдак — лысуха, водяная курица.

Токар притих, племянник говорил серьезно, убеждающе, трудно было предположить, что он разыгрывает старика.

— Озеро... Утки, качкалдаки...— одними губами прошептал Токар.— Ты будто сказку какую рассказываешь.

— Не веришь — взгляни! — Тахир кивком головы показал на айван: там на веревках висели две утки и с десяток качкалдаков. Хотя Токару и грех было жаловаться на зрение, он все же, не доверяя себе, подошел к айвану и потрогал дичь узловатыми коричневыми пальцами. Потом задумчиво покачал головой:

— Волчья впадина... Помню, там только крысы да суслики водились. А нынче... утки, качкалдаки!.. Озеро!.. И то сказать, в такое уж время живем. Жизнь чудесней всех сказок! Тахир, если ты свободен, отвези меня после чая к этому озеру. Такое чудо хочется увидеть своими глазами.

Тахир пригласил дядюшку в комнату. Старик, скрестив ноги, уселся на ковре, принял из рук племянника дымящуюся пиалу. Неспешно, с удовольствием прихлебывая чай, он разглядывал комнату. Хорошая комната, ничего не скажешь. Просторная, нарядная... На полу, на стенах — ковры яркой расцветки. В одном углу массивный радиоприемник, в другом — телевизор «Рубин». На стене красуется двустволка. Над ней — портрет...

Взгляд Токара задержался на портрете. Это была увеличенная и вставленная в рамку фотография Борджака, его младшего брата, отца Тахира. Борджак умер незадолго до войны от старых ран. Старик вздохнул:

— Как время-то летит!

Желая отвлечь дядюшку от невеселых мыслей, Тахир сказал:

— Дядя Токар, ты только теперь это заметил?

Токар, словно бы и не слыша этих слов, кивнул на окно, за которым мелькнул мальчик, спешивший в школу, и улыбнулся чуть грустно:

— Ишь, постреленок!.. С портфелем, что твой министр. Когда мы с Борджаком были вот такими же зелеными птенцами, школа нам и не снилась. И чтобы одеваться вот так же... Куда там! Мы и не помнили, когда на нас были новая рубашка или обувь. И животы вечно подводило от голода. Так и чудится: все эти годы мы, голопузые, босоногие, гнались за хлебом, а он улепетывал от нас быстреей зайца. Да... Борджак был уже в твоих летах, а ему так ни разу и не довелось сесть на коня. Ишак был конем бедняка... У тебя-то вон какой скакун — с мотором!..

Тахиру передалась задумчивость дядюшки, он негромко произнес:

— Вот ты сказал об озере: мол, сказка. А мне кажется, это я сейчас сказку слушаю. Только страшную!

— Верно. Страшную. Потому-то народ и решил ее переиначить. Сколько же это стоило сил и крови!.. А не пролилась бы эта кровь, разве жил бы ты в таких хоромах, развезжал в быст-рокрылой машине хозяином и властелином?.. Да, сынок, мы сра-жались за твое нынешнее счастье, ни крови не щадя, ни жизни. Борджак вон в гражданскую войну ноги лишился, его потом так и звали: «Одноногий Борджак». — Токар дотронулся рукой до шрама на левой щеке: — Видишь? Это еще самая легкая из моих десяти ран. А разве я воевал с фашистами, думая только о себе? О вас, мой орленок. В первую голову о вас, детях наших...

Тахир сидел молчаливый, поугрюмевший. Чай остывал в пиа-лах. Старик сердито одернул себя: что это он разболтался? Раз-ве он приехал сюда затем, чтобы ворошить старый саман? Что подумает о нем племянник? Ведь он так настойчиво звал к себе Токара, столько писем ему написал, и вот дядюшка наконец явился и только расстраивает его своими воспоминаниями да поучениями.

Все же он закончил свою мысль:

— Я к чему веду, сынок?.. Твой труд и труд твоих друзей украшает нашу жизнь. Вы строите светлое будущее. Честь вам и хвала, дорогие. Только не забывайте, что первые-то кирпичи в эту стройку заложены отцами вашими. И Борджаком. И, к сло-ву сказать, — он легонько похлопал себя по бороде, — обладате-лем вот этого серебра. Я тебя еще не успел узнать как следует. Но ты сын Борджака. И уверен, ты-то все это понимаешь. Не то что некоторые, готовые предать забвению дела своих отцов. — Заметив, как глубоко задумался племянник, Токар благодушно толкнул его в плечо: — Ну, что пригорюнился? Или с долгами никак не можешь расплатиться?

Тахир вскинул голову, улыбнулся:

— У нас в колхозе давно уж забыли, что такое долги.

— Так чего же ты нос повесил?

— Да дядюшка у меня больно уж горяч. Так разошелся, что я испугался, как бы он меня по носу не шлепнул.

Старик одобрительно рассмеялся:

— Ишь, за словом в карман не лезешь. Сразу видно, что из рода Тарханов. Хоть Борджак и ходил вечно голодный, а язык у него был острый, как охотничий нож. Верно молвится: «При-звание отца — к лицу сыну».

— Дядя Токар, а ты так и не ответил, понравился ли тебе наш поселок.

— Я так скажу. Мне на свою жизнь грешно жаловаться, всем доволен. Но когда я увидел ваш колхоз, право слово, еще светлей стало на душе. Живете, как в раю. Тахир, а ты свое детство помнишь?

— Помню нашу юрту, черную, как ворона. И сплошь дырявую, словно решето.

— Да, так оно и было. И кругом пустыня. Кроме колючки, ничего и не росло. А нынче... Вместо нищего аула — город. На месте пустыни — озеро! Сыты, обуты, одеты, что еще человеку надо? Мы вон тоже живем, не знаем нужды. Потому-то хоть мне уже седьмой десяток, а я не чувствую себя стариком. Что ты там говорил мне о женитьбе? Я готов!.. Думаю, что смог бы выстроить еще полдюжины ребятишек...

Тахир проговорил с невинным видом:

— Дядя Токар, не помнишь, как это в пословице говорится... А, вспомнил: «Языком жнешь — спину не натрудишь».

Старик погрозил ему пальцем:

— Ты, я гляжу, и отца заткнул бы за пояс. Ох, острослов!.. Только я твоих намеков не понимаю. Может, ты сомневаешься в моих словах? Хе, так уговори какую-нибудь вдовушку выйти за меня замуж и можешь закопать меня живым в могилу, если мы каждый год — уж самое крайнее, каждые два года — не будем одаривать тебя двоюродными братьями, черноглазыми крепышами.

Глаза Токара озорно поблескивали, а племянник смотрел на его чуть одутловатое лицо с мешками под глазами, на морщинистую, одрябшую шею и беззлобно думал: «Ах ты, старая лягушка! Расхвастался, раздулся от гордости!» Решив поддразнить распалившегося старика, он сказал:

— Дядя Токар, мы не виделись почти двадцать лет, и я все готов для тебя сделать. А найти жену — это же легче легкого. Только ты подумай как следует. Недаром ведь говорится: семь раз отмерь — один раз отрежь. Смотри, не хватит у тебя силенок, так опозоришь своего племянника!

— Это у меня-то не хватит? — напыжился Токар. — Да я...

— Ладно, ладно, я тебе верю. Так вот... — Глаза Тахира светились лукавством и легкой хитрецой. — Есть тут у нас одна вдова. Бездетная. Ждет не дождется, когда ее возьмут замуж. Достойная женщина! Вот только...

— Что «вот только»? Ты договаривай.

— Говорят, собака боится черного, женщина остерегается белого. Как бы не испугала ее твоя белая борода.

Токар придвинулся к племяннику, шея у него вытянулась, как у растревоженной черепахи, он обдал Тахира горячим дыханием:

— Э, сынок, борода, что клевер: нынче его скосили, на-завтра вырос, послезавтра опять можно косить. Ежели дело только в бороде, так ее и сбрить недолго. Для меня это раз плюнуть, проще, чем снять подседельник с ишака.

— Ну, тогда...

— Да ты не тяни! С добрыми делами не медлят.

— Тогда прежде придется посоветоваться с одной женщи-ной.

— С кем это еще?

— Ее зовут Абадан-эдже.

Старик даже подскочил на своем месте:

— С моей женой? Ну, братец, ты меня под петлю хочешь подвести. Да она как услышит о том, что я задумал, мигом сю-да примчится!

— А ты ей тоже пообещай черноглазого крепыша, и она ус-покоится.

— Э, ты ее плохо знаешь. Только заикнись насчет ребенка, такой шум поднимет! Ты что, скажет, спятил? Мало тебе детей? С жиру бесишься на старости лет? А уж если она разбушуется, тут уж дай бог унести ноги...

— Что ж, дядя Токар. Тогда тебе придется развестись с ней.

— Рехнулся! Развестись с моей старухой?!

— А ты что же хочешь: и новой женой обзавестись и старую при себе оставить? Разве ты не знаешь, что многоженство за-прещено? Ты, я смотрю, хитрец, дядя Токар!

И оба весело рассмеялись. И смехом этим положили конец игре, которая изрядно их позабавила. Токар поднялся с места:

— Ладно. Коль уж ты такой законник, вставай и заводи ма-шину. Поехали на озеро.

Это звучало не просьбой, а повелением. «Привык, видно, до-ма командовать,— усмехнулся про себя Тахир.— Не так-то уж боится он своей старухи. Вряд ли она ему перечит...» У Тахира на это воскресенье были другие планы: он хотел съездить в го-род, повидаться с друзьями. Но как он мог обидеть дорогого гостя, наведавшегося к нему в кои-то веки? Он вышел вместе с дядей во двор, и скоро они уже ехали по поселку. Токар все не переставал удивляться:

— Гляди-ка, какая красота! А когда-то в этих местах пасли верблюдов. А тут был такыр¹, верно? Мы в детстве играли здесь в чилик². Да, когда власть в руках народа, пустыни пре-вращаются в цветники.

---

¹ Такыр — ровная песчаная площадка в пустыне.

² Чилик — игра вроде бабок.

— Ну, положим, с цветниками придется лет пять подождать,— улыбнулся Тахир.— Не забывай, канал всего лишь полгода, как подошел к Ашкабаду. Однако уже в этом году урожай хлопка у нас куда богаче, чем в прошлом.

В открытое окно машины врвался свежий, душистый ветер. Слышно было, как заливаются в чистой вышине неугомонные жаворонки. Дорога шла колхозными угодьями: вот огород, где длинными рядами огромные кочаны капусты, вот бахча с тыквами, напоминающими гладкие горные валуны, а вон дыньки виднеются — желтые, как луна... Токару все это казалось сном. Ведь прежде здесь ничего не было. Одно слово — пустыня!

Навстречу им в машинах, на мотоциклах и велосипедах ехали охотники. Они возвращались с богатой добычей. Токар смотрел на них широко раскрытыми глазами. Кому раньше могло прийти к голове, что тут будут охотиться на уток и качкалдаков?

Когда же они наконец добрались до Волчьей впадины, старик рот разинул от изумления. Среди песчаных барханов огромными зеркалами сверкали под солнцем озера, еще не сомкнувшиеся, но разлившиеся широко-широко. На берегу высилось несколько шалашей. Озерная гладь была усеяна лодками — аллах великий, сколько же их тут!.. И не счесть. Но, видно, охотничий азарт уже спадал. Частая стрельба, которую Токар слышал утром, сменилась одиночными выстрелами. И каждый раз в воду шлепалась подбитая птица.

Токар укоризненно хмурился, ворчал:

— Боже, до чего жестоки люди! Ведь живая же тварь...

Но когда над их головами появилась стайка качкалдаков, он невольно протянул руку к Тахиру:

— Дай-ка ружье! — Птиц, однако, уже и след простыл. Старик с сожалением посмотрел им вслед и, переведя взгляд на ружье, опять забубнил:

— И зачем ты таскаешь с собой эту проклятую хлопушку? У тебя что, тоже нет сердца? Что тебе плохого сделали бедные птицы? Пусть себе летают на здоровье.

Тахир, не в силах сдержать улыбки, проговорил:

— Дядя Токар, я и не собирался стрелять в бедняжек. А ружье захватил, чтобы проверить, какой ты охотник.

— Хм... Если это только из-за меня, то запихни его в футляр и отнеси в машину.

— Будет сделано. О, постой-ка!.. Вон две утки летят. Смотри, смотри! Вроде синеголовки.

Старик закрутил голову:

— Где?

— Ты что, ослеп? Вон же, прямо у тебя над головой!

— А ну дай-ка! — Токар в возбуждении вырвал из рук племянника ружье, прицелился в удаляющихся уток и выстрелил из обоих стволов. Одна из уток скользнула вниз и упала на берег. Старик самодовольно выпятил грудь: — Ну, как?

— Неплохо, — сдержанно похвалил Тахир. — Жаль, не я стрелял. У меня бы и вторая не улетела.

Старик подавился кашлем:

— Кхм... Мне тоже ничего не стоило подбить вторую.

— Что же не подбил?

— По правде говоря, пожалел...

— Что же не пожалел и первую? В чем она перед тобой провинилась?

— Что ты ко мне привязался? «Что же?» «Что же?» Хватит болтать попусту. Пойдем-ка лучше подберем утку.

— Ты чего это мне рот зажимаешь? — притворно возмутился Тахир. — Не слышал, что у нас свобода слова?

— Да, пожалуйста, болтай сколько влезет! — сердито разрешил Токар и насупился. — Только поучай тех, кто младше тебя!

— Ох, дядя, дядя!

— Что «дядя, дядя»?

— Неужели же и я, когда постарею, стану сварливым?

— Что говоришь, непутевый? Это я-то сварливый?

— Что ты, дядя Токар! Это я о нашем башлыке, председателе колхоза. Он тоже человек в возрасте, вроде вас. Так его хлебом не корми, только дай поворчать. Будет ходить туча тучей, словно с утра выпил чаю без сахара, если не удастся никого распечь за дело или без дела.

Токар щелкнул племянника по лбу:

— А ты не суди старших, а слушай их! Я вашего башлыка не знаю, но ежели это не пустая тыква, так прислушивайся к его словам. Старшие не ворчат, а советуют и учат. И ты не пренебрегай этими уроками, мы ведь побольше тебя поизносили рубах.

— Я-то думал, что уже прошли времена беспрекословного послушания.

— Ты лучше поразмысли над пословицей: «Верблюжонок учится ходить, подражая верблюдице».

Они отправились за уткой, подстреленной Токаром. Старик тяжело шагал по прибрежному песку, оставляя за собой глубокие, как в снегу, следы. Всей грудью вдыхая свежий, бодрящий, пахнувший водой воздух, он с живым любопытством по-

сматривал по сторонам. Внимание его привлекли рыбаки — они сидели на берегу, согнувшись, недвижные, как изваяния, напряженно следя за поплавками. Старик обернулся к племяннику:

— Тут, выходит, и рыба водится? Дела-а... А в былые времена — мне тогда было лет десять — мы пасли в этих местах ягнят и козлят Евшан-бая. Помню, твой отец всегда со мной увязывался. Совсем еще был несмышлennyш... — Токар остановился, показал рукой на берег. — Видишь вон тех двух рыбаков? Так вот, как раз на этом месте, — ты не улыбайся, я точно помню! — схватились однажды большая змея и земзен¹. Борджак как увидел их, так бросился бежать со всех ног. Бежит и кричит: «Вай, мама!» Еле я удержал его. Что, говорю, испугался, трусишка? Этим тварям сейчас не до тебя, можешь дернуть их за хвосты, они и не почуют. Да, племянник... Сколько уж живу на свете, а все не устаю дивиться выдумкам матери-природы. Против саранчи она создала черных скворцов, против змей — земзена и еще ежей. В пустыне нам часто доводилось наблюдать, как ежи поедали змей. Втянет ежик поглубже голову, ошетинится, схватит змею за хвост, а та уже ничего не может с ним поделаться: вертит головой, извивается, но куда ни сунется, все натывается на иглы.

Тахир нетерпеливо перебил старика:

— Дядя Токар, ты уж доскажи историю со змеей и земзеном.

Токар глянул на него недовольно:

— Прощаю тебя, потому что ты еще мало меня знаешь. Но учти на будущее: мне легче перенести, если у меня изо рта вырвут кусок хлеба, чем когда прервут мою речь.

Сейчас сам старик казался Тахиру похожим на ежа, ошетинившегося своими иголками: и не подступись!.. «Вот характер!.. И не угадаешь, как дядюшка поведет себя в следующую минуту. Что-то в его нраве напоминает рыбу, трепещущую на песке... Вот именно трепещущий характер, пестрый, меняющийся...» Но не успел Тахир додумать до конца свою мысль, как старик хлопнул его по плечу:

— Ты и правда хочешь дослушать мою историю?

— Сгораю от любопытства!

— Тогда... — Токар поглядел себе под ноги, на траву, нежно зеленевшую под мягкими лучами солнца, — тогда постели здесь коврик, который ты прихватил с собой. Лучшего места не выберешь.

---

¹ Земзен — варан, крупная ящерица.

Тахир расстелил на траве коврик, подождал, пока усядется дядя, сам прилег напротив него и впился в старика выжидающим взглядом. Тот же, словно позабыв, чего ждет от него племянник, спросил с деланным недоумением:

— Ты что так на меня уставился: будто я больной и у меня готовятся брать кровь из языка? ¹.

— Дядя Токар! Чем же все-таки закончилась схватка?

— Какая схватка?

— Как «какая»? Между змеей и земзенем.

— Сынок, ты туркмен или нет?

— Если ты туркмен, то и я тоже.

— Когда же ты видел, чтобы туркмен вел рассказ без зеленого чая? Если тебе и вправду интересно, как закончилась схватка, то позаботься о чае.

— Где же я его возьму?

— Это уж не мое дело.

— Может, потребуешь еще, чтобы тебе плов приготовили?

— Плов потом, после чая.

«Ох, и своенравный старик! — не без восхищения подумал Тахир.— И хитрый, черт». Вслух же он сказал:

— Дядя Токар, ты сам, наверно, заметил, что здесь еще не успели открыть чайхану. Неужели мне из-за чайника чая ехать в поселок?

— А хоть в Ашхабад, только чтоб был чай.

— А не будет?

— Тогда не жди и рассказа.

Токар после утреннего плотного завтрака и впрямь испытывал жажду. А тут еще солнце начало припекать. Правда, Тахир все это предусмотрел и тайком от старика захватил из дома термос с чаем. Но он-то думал преподнести дядюшке сюрприз, а тот требует чай с такой уверенностью, будто ему достоверно известно, что племянник запаса живительной влагой. «От него, видать, ничего не скроешь,— улыбнулся про себя Тахир.— Или у него и на затылке глаза?» Все же он решил еще немного потомить старика:

— Дядя Токар, ты ведь половину жизни провел в этих песках. Вспомни-ка, довелось ли тебе хоть раз распивать здесь зеленый чай?

— Мне тут, сынок, и на уток охотиться не доводилось,— со смешком ответил Токар.— Но нынче другие времена. Полагаю, ты для меня не только чай раздобудешь, но, уж коль мне захочется, зарежешь и барана.

— Твое желание для меня закон! Ты ведь мне и дядя, и

---

¹ Кровь из языка больных брали обычно знахари.

яшули, и дорогой гость. Понадобится, зарежу ради тебя и верблюда.— Тахир поднялся с коврика.— Ладно, будь по-твоему. Поеду в поселок за чаем.

— Это уж как твоей душе угодно,— спокойно произнес Токар.— Поезжай куда хочешь, только напои своего дядю зеленым чаем.

Тахир направился к машине и вернулся с большим термосом и двумя пиалами. Лицо старика расплылось в широкую улыбку, он одобрительно хлопнул в ладоши:

— Вай, молодец! Вот этого я и ждал от тебя. Рад, что не ошибся в своем племяннике... Уважаю расторопность.

Чай успел отстояться, был крепкий, терпкий. Старик жадно принял из пиала, на его морщинистом лбу выступила испарина, глаза затуманились от удовольствия. Утолив первую жажду, он сказал:

— Так ты, значит, желаешь знать, как протекало сражение между змеей и земзеном? Ну, слушай... Они бились насмерть. Оба бойца были в крови, и ни один не хотел уступать. Змея яростно накидывалась на земзена, обвивалась вокруг него, стараясь задушить, а земзен впивался в нее своими острыми зубами, рвал в клочья ее плоть. Схватка длилась несколько часов, мы с Борджакком стояли чуть поодаль и смотрели во все глаза. Борджак, правда, все дрожал от страха. Чтобы подбодрить его, я помахивал крепкой палкой из созена¹ и говорил: «Не бойся, эта палка защитит нас от кого угодно!» Наконец животные выбились из сил и расползлись в разные стороны.

Тахир прервал старика:

— Змея-то, наверное, была разъярена. Что, если бы она вдруг на вас набросилась?

— Все знают, что в зубах у змеи смерть. И, однако, туркмены считают трусами тех, кто страшится змей. Не люблю хвастаться, но от моей палки погибли сотни этих тварей.

— Верю, дядя Токар. Досказывай же.

— Змея куда-то уползла. А земзен с трудом доволокался до зеленого чогана², долго о него терся и вернулся на поле боя. Чоган, видать, обладает целебной силой.

— Ну, а дальше?

— Все, племянник. На сегодня хватит.

— Все-е? — разочарованно протянул Тахир.— Скупое же ты расплатился за чай, который я организовал для тебя в пустыне.

---

¹ Созен — кустарник с прочными ветвями.

² Чоган — кустарник в пустыне.

— Может, ты хочешь, чтобы я за пару пиал чая поведал тебе всю историю Отечественной войны? — язвительно осведомился Токар.

Тахир рассмеялся:

— Ну, если ты начнешь рассказывать про войну, то при твоих темпах на это потребуются неделя, а то и месяц! Я уж не говорю, сколько придется зарезать баранов, чтобы тебя улажить... Ладно. Хватит так хватит.

Токар поднял брови:

— Как?.. Тебе, значит, нелюбопытно узнать, кто кого победил? Что ж, если не хочешь больше слушать, можешь заткнуть уши. А я все-таки свой рассказ доведу до конца, не могу же я его оборвать на самом интересном месте!

— Так ты же сам...

— Что «я сам»?.. Я просто хотел испытать твоё терпение.

— Ну, дядюшка! — с досадой мотнул головой Тахир. — С тобой нужно обладать железным терпением. Никак я тебя не пойму...

— А ты такой многоопытный, всезнающий, что так вот сразу все и способен понять? — усмехнулся Токар. — Э, нет, дорогой, тебе еще надо набираться ума-разума. Жизни-то ты не знаешь, слишком мало повидал на своем веку. Потому не стыдись учиться. Учись мужеству, настойчивости, терпению. Мы с тобой ведем словесную схватку, и то ты уж сдался. Нервничаешь. А вспомни-ка земзена... Даже раненный, измученный, он не вышел из боя. Пусть на твои плечи обрушится многопудовая тяжесть, а ты стой, не дрогнув. Стой, не сгибаясь, как скала!.. Лишь упорным да мужественным не страшны никакие преграды, никакие трудности. Сколько километров от Амударьи до Ашхабада?

— Восемьсот с лишним.

— Вон какая даль!.. И все пески да пески. А люди проложили через пустыню канал невиданной длины, и пошла по нему вода, и поплыли пароходы. Канал... Новая река в пустыне! Представляешь, дорогой, сколько пота пролили его строители, как тяжело им приходилось? А что им помогло добиться победы? Мужество и настойчивость. Стойкости-то нашим людям не занимать. Потому им и под силу творить чудеса. Это я говорю не в укор тебе, сынок. Может, и ты в работе упрям, как земзен, и заслуживаешь всяческих похвал. Но стремись трудиться еще ревностней и упрямей. К какому бы делу ни приставил тебя народ, отдай этому делу все свои силы.

Старик вел свою речь неторопливо, испытующе поглядывая на племянника. И хотя все это были известные истины, Тахир

слушал дядю уважительно, понимая, что тот желает ему только добра. Тахира занимала и сама дядюшкина манера говорить: начал со схватки между змеей и земзеном, саму эту историю рассказал с солидными паузами, то и дело отвлекаясь, а кончил общими наставлениями. Словно догадавшись, о чем думает племянник, Токар вдруг повеселевшим тоном сказал:

— А не полагаешь ли, что мне пора уже покончить со змеей и земзеном? Так вот. После недолгой передышки животные снова схватились, и земзен убил змею. Туда ей и дорога!

Тахир тоже оживился и спросил:

— А правду говорят, что если земзен проскользнет у тебя под ногами, то ты... ну, перестанешь быть мужчиной?

— А ты и испугался? — расхохотался старик. — Да я, братец, десятки раз перешагивал через земзена, а жени меня, как обещал, и я, хоть мне уже и перевалило за шестьдесят, увеличу на несколько человек число строителей коммунизма!.. Ты не верь этим сказкам про земзена. А вот что он сосет молоко у коз — это чистая правда. Подползет украдкой к козе, обовьет ей задние ноги своим длинным хвостом, и та стоит, не шелохнется, пока он не опустошит ее вымя.

После зеленого чая старик подобрел, настроился на благодушный лад и охотно выкладывал всякую всячину. А потом перешел к историям, приключившимся с ним в минувшую войну.

— Хочешь послушать, как я захватил в плен дюжину фашистов?

— Я весь внимание, дядя Токар! — готовно откликнулся Тахир.

— Так вот... Война уж к концу близилась. Как-то ни свет ни заря возвращался я из разведки. Наши позиции от немецких отделял целый караван холмов. Вскарбалкался я на один из них, осторожно осматриваюсь... И вижу: неподалеку от меня, на лесной опушке, — фашисты. Хлопочут вокруг пулемета, галдят, как галки, — я решил, что у них пулемет заело и они никак не могут его починить. Вдруг один фашист оглянулся и заметил меня. «Иван! — кричит. — К нам, к нам! Марширен!» Сознаюсь, братец, у меня поджилки затряслись. Попался, думаю. Немцев-то вон сколько, а я один, и силенка у меня уже не та — все-таки возраст. Однако пока солдат при оружии, нет у него причин для паники. Сорвал я с плеча автомат, упал на землю и дал очередь по фашистам для острастки поверх голов. Гляжу, а они все повернулись ко мне и руки вверх тянут. Один, правда, припустился бежать к лесу, но моя пуля догнала его. А остальные с поднятыми руками дружно двинулись к моему холму. Что за чертов-

щина, думаю, видели же они, что я один, и вдруг — на тебе — сдаются!.. Нет, это, выдать, какой-то хитрый маневр, на пушку меня берут... А разгадать их хитрость не могу. На лбу у меня холодный пот выступил, по спине мурашки пошли, и я чуть было не кинулся наутек. Но тут — сам не знаю отчего — нашла на меня какая-то бесшабашность. Я поднялся во весь рост, направил на немцев автомат и грозно так скомандовал: «А ну, поторапливайтесь! Шнелль, шнелль! Бегом!» И хочешь — верь, хочешь — нет, но они прибавили шагу, приблизились ко мне, без лишних слов сдали оружие, и повел я их к своим. Представляешь картину, сынок?.. Плетутся передо мной, понуриив головы, двенадцать здоровенных фашистов, а сзади я пыхчу, отдуваясь под тяжестью их автоматов. И время от времени пребольно себя пощипываю, проверяю, не сплю ли я и не снится ли мне все это. Убедившись наконец, что бодрствую, я приосанился и шагал уже, как герой, задрав нос и выпятив грудь. Ну, и в моем взводе встретили меня, как героя, даже не расспросив ни о чем, принялись качать... Хотя я-то при чем? Просто у немцев к концу войны стала кишка тонка... Да... Верно молвится: уж если кому не везет, так его и на верблюде укусит собака. А уж коли повезет — песчинкой волка убьешь.

Тахир верил и не верил дяде, но и виду не подавал, что сомневается в правдивости его рассказа. Он уже немного изучил дядюшкин нрав и понимал, что если старик заметит в его глазах хоть тень недоверия, то ему, Тахиру, несдобровать... В лучшем случае дядя разобидится и уедет домой. Поэтому он только спросил:

— Дядя Токар, я одного не пойму: как же тебя послали на фронт, когда тебе было уже под пятьдесят?

— А меня и не посылали, сам пошел. Ох, сынок, страшное это было время — не дай бог такому повториться!.. Вместе с тысячами молодых джигитов ушли на фронт мои два сына. И мне совестно было сидеть сложа руки, сторожить свою юрту, когда весь народ грудью поднялся на врага. Нет, думаю, или я отомщу за кровь джигитов, павших на поле боя, или и сам сложу свою седую голову. Пришлось малость пошуметь в военкомате, и отправился я добровольцем на фронт. Хвалиться не буду — говорят, у того, кто слишком себя нахваливает, дрова перевязаны гнилой веревкой, — но хоть каплю пользы я принес своей Отчизне. А из капель-то моря образуются... Ведь сколько было таких, как я?.. Миллионы. И каждый сражался за двоих, за троих. Потому что было за что сражаться! Не одолей мы фашистов, так не были бы хозяевами своей земли и не распивали сейчас с тобой чай у амударьинской воды.— Токар лукаво прищурился: — И ты бы так никогда и не узнал, как твой дядя

взял в плен дюжину фашистов. Я, сынок, к чему это тебе рассказал? Чтобы ты зарубил себе на носу: если против тебя окажется хоть десяток, хоть два десятка врагов, а ты один, все равно не теряйся, не падай духом, помни, что за тобой Родина, ради нее обороти свой страх в отвагу, и ты победишь.

«Мудрые слова!» — невольно подумалось Тахиру. Еще недавно Токар казался ему своенравным, даже вздорным стариком, но чем больше Тахир его узнавал, чем внимательней прислушивался к его речам, тем большим уважением к нему проникался. «Да, мудрые слова... И, по всему судя, их у него полный мешок. Нет уж, я не отпущу его домой, пока он не высыплет все сокровища из своего мешка».

Токар же, видя, что племянник призадумался, выбралил себя за назойливость: «Ему, видно, наскучила моя болтовня. И верно, с чего это я разошелся?! Надо и честь знать». И сказал, оправдываясь:

— Сынок, ты уж не сердчай, что я тебя все поучаю. У нас стариков, одна услада: повспоминать о прошлом или прочесть наставление молодым... Иному все едино, слушают его или нет, знай молотит языком — себе в удовольствие. Сам знаешь, после обмолота получается больше соломы, чем зерна. Так ты саман моих речей развей по ветру, а тому, что посчитаешь зерном, отведи достойное местечко в закромах своей памяти. Может, что и пригодится и послужит тебе пищей, когда почувствуешь голод. Ох, сынок, хотел я перед тобой извиниться, да, видишь, снова сбился на поучения. Старость, старость...

— Мудрость, дядюшка, а не старость. Убей меня бог, если я пропустил мимо ушей хоть одно твое слово. И не потому, что ты мне родной дядя и мой гость. Ты подарил мне столько своих мыслей и своего опыта, что если я удержу в голове хоть десятую долю, то и то стану вдвое богаче.

Польщенный старик положил ему руку на плечо:

— Спасибо, сынок. Ты с честью носишь имя Тарханов!

Они снова двинулись по берегу озера, и, когда достигли того места, где к озеру подходит канал, Токар задумчиво погладил бороду... Вода здесь была мутно-желтая, она бурлила и пенилась, с клетком низвергалась в озеро, размывая мягкие берега канала. Как зачарованный, смотрел старик на взбаламученную воду.

— Если бы я не увидел это своими глазами, ни за что не поверил бы, — тихо сказал он. — Кто из Тарханов дерзнул бы предположить, что вот тут, в пустыне, можно будет напоить ишака амударьинской водой и на земле, которой веками не касалась лопага, вырастить небывалые урожаи хлопка?

— Дядя Токар, это ведь еще не настоящий канал.

— Знаю, знаю. Вы его называете «пионерным», и пока он дает немного воды. Но, как я слышал, его собираются расширить. Тогда вода польется мощным потоком!..

— Да. И неузнаваемо преобразит все вокруг. Мы станем жить еще лучше, еще богаче.

Чем больше Токар дивился настоящему, тем неодоливей тянуло его на воспоминания о прошлом. Вот и теперь он снова заговорил о своей юности:

— Когда я был в твоём возрасте, сынок,— да нет, куда моложе! — нанялся я чолуком¹ к Тектек-баю. Овец мы пасли в Каракумах, а на водопой пригоняли к колодцу Бокурдок. И вот однажды в жаркий-жаркий день разразилась песчаная буря. Бури тут и прежде случались, но не в такой зной. Горячий ветер нес тучи горячего песка, все вокруг утонуло в желтой мгле, не видно было даже земли под ногами, песок сек, жег нам лица, мы чувствовали себя так, будто нас на костре поджаривали... Овцы сбились в кучу, прильнув друг к другу боками. Однако буря налетела так неожиданно, что не все овцы успели собраться в одно место, стремительный вихрь разметал отару...

Тахир со вздохом посетовал:

— Как только доверяют овец пастухам-раззявам. Растерять отару!..

— Я же тебе говорю: мы не ждали такой бури,— обиженно возразил Токар.— Даже собаки, у которых нюх острый и чуткий, и те растерялись — суеются без толку в крошечной пыли и воют от бессилия... В общем, когда буря утихла, мы недосчитались десяти овец.

— Что же вы, всю отару пересчитывали?

— Даже если овец больше тысячи, хорошему чабану и чолуку незачем их пересчитывать. Достаточно бросить взгляд на отару, и они уже могут сказать, скольких овец не хватает и даже каких именно. Да... Отправили меня на розыски пропавших овец. Иду, а пот с меня льет ручьями. Сверху нещадно палит солнце, внизу — песок до того горячий, что в нем можно печь яйца. Уж не помню, долго ли я плутал, но начала меня мучить жажда. Во рту пересохло, губы словно приклеились одна к другой. А где в пустыне достанешь хоть каплю воды?.. В голове у меня помутилось, глаза стали лгать. Гляжу — прямо передо мной вода блестит, подхожу ближе, а это голый такыр. Ох, сынок, я тогда за глоток воды готов был отдать весь заработок!

---

¹ Чолук — подпасок.

— Недаром туркмены сравнивают воду с золотом,— заметил Тахир.— Так что же с тобой дальше было, дядя Токар?

— Совсем обессиленный, я свалился полумертвым под кустом саксаула. Еле меня разыскали... Вот как мы тут жили да бедовали. Вспомнить, и то дрожь пробирает. А ныне... Мне, сынок, хочется запеть во весь голос, как пел я в детстве, шагая за ягнятами. Или залпом выпить все это озеро!

Старик сорвал с себя папаху и бросил ее на землю, лег на грудь, свесив голову к воде, и начал жадно ее пить. А потом с бодростью молодого джигита вскочил на ноги, стяхнул с одежды налипший песок и с каким-то упоением воскликнул:

— Полна блаженства душа моя!

ПАСТУХ

Майская ночь близилась к концу.

Еще ярко, как в полночь, мерцали на темном небе звезды, и четко была видна дымчатая россыпь Млечного Пути, и безмятежно спали в траве певцы разноголосого птичьего хора, и воздух был зябко-свеж, а над степью уже плыли нежные, переличатые звуки свирели чабана Мурада.

Он сидел на бугорке и, полузакрыв глаза, водил из стороны в сторону длинным тьюдуком. Звуки то высоко, словно на крыльях, взлетали над пустыней, то вдруг опускались на землю, медленно таяли, и тогда в звенящей тишине ясно слышался перестук копыт овечьей отары, растянувшейся по склону заросшего высокой травой холма.

Скупая туркменская весна в нынешнем году неожиданно расцедрилась: после снежной зимы прошли дожди, теплые, обильные, и трава в пустыне буйно пошла в рост. Ожиревшие овцы с трудом несли свои тяжелые, как валуны, курдюки, пресыщенно выбирали самые сочные поляны и, казалось, больше дремали, сбившись в кучу, чем паслись. Зато курчавые ягнята не знали усталости: день и ночь они носились вокруг отары, наскакивая друг на друга, бодались и взбрыкивали молочными копытцами.

Когда взошло солнце, Мурад сунул тьюдук за пояс, поднялся с земли, взял кривой чабаний посох и, приказав подпаску не спускать с отары глаз, зашагал через степь к горизонту, где недавно выросла буровая вышка. На ней всю ночь до самого рассвета горели яркие огни, казалось, будто самые крупные звезды опустились на ее перекладыни. Это-то и привлекло внимание старого чабана. «Раз поднялась к облакам вышка со звездами, значит, в пустыне появились инженеры,— шагая, размышлял Мурад.— Ясно, они живут в белой палатке рядом с вышкой».

Несмотря на свой преклонный возраст, Мурад вышагивал бодро, далеко вперед выбрасывая длинные ноги, обутые в чокай с толстыми, туго накрученными портянками. Вскоре он подошел к вышке и остановился чуть поодаль, высоко задрав голову в

косматой папахе, подставив солнцу скуластое лицо с седыми усами и выщипанной бородкой, сквозь которую желтели голый подбородок и кадык. Солнце золотило рыжие пучки волос, торчащих из его хрящеватых больших ушей.

Мураду никогда прежде не доводилось видеть в пустыне буровую вышку. Он несколько раз обошел ее кругом, с любопытством ребенка вглядываясь в балки, уходящие конусом в небо. Внутри вышки вертелась труба, по ней текла красновато-бурая глина. Труба медленно уходила в землю. Бурильщики следили за трубой и не замечали гостя.

«Видно, это очень дорогая труба, если все от нее не отрывают глаз»,— решил чабан.

К большому удивлению Мурада, труба вдруг перестала вертеться, плавно поползла вверх и стала ломаться на части. Бурильщики поднимали ровные отрезки трубы и складывали около вышки. А труба все ползла и ползла вверх и по-прежнему ломалась.

— Глубоко же вы ее запрятали в землю,— после того как поздоровался и пожелал бурильщикам успеха в работе, сказал Мурад и спросил: — Что, надеетесь найти пуп земли?

Стоявший ближе всех к чабану мастер улыбнулся и постучал кулаком по вышке.

— Найдем, она нам поможет,— сказал он.— Глубина скважины, старик, не такая уж и большая! Всего двести метров пока...

Мурад многозначительно поджал губы и покачал головой, словно ему все было ясно.

— Если хочешь видеть, из чего состоит пуп земли, следи, что вытряхнут рабочие из трубы,— продолжал мастер.

— Хорошо, я взгляну,— сказал Мурад.— А прежде ты мне скажи, как тебя зовут. Ты, я вижу, туркмен?

— Зовут меня Айдаром, а фамилия моя Аширлиев. А тебя?

— Я чабан Мурад. Моя отара пасется неподалеку от вашей вышки.

Рабочие стали выколачивать из последнего колена трубы песок, и старый чабан склонился над ним. Песок был мокрый. Бурильщики называли его породой. Они складывали образцы в длинные, как корыто у степного колодца, ящики. Один из рабочих все время что-то записывал в тетрадь, то и дело бросая пристальный взгляд на породу.

Айдар Аширлиев опустил на край пустого ящика и, достав из кармана куртки пачку папирос, закурил. Мурад присел рядом с ним, положив на колени посох, и спросил:

— Для чего надо доставать песок с такой большой глубины, разве его мало в пустыне наверху?

Мастер выпустил струю сизого дыма, сбил ногтем с папиросы пепел и окинул старика с ног до головы недоверчивым взглядом.

— Мурад-ага, неужели ты не слышал, что здесь пройдет Каракумский канал, или ты хитришь и прикидываешься простачком? — спросил он.

Старый чабан нахмурился, стал крутить на палец свои вислые усы, глаза его стали колючими и сердитыми.

— Я думал, что канал пойдет от Большой воды Амударьи, а не из дырочки, которую просверлила ваша труба, — сказал он. — Я читаю газеты...

Айдар Аширлиев швырнул на землю окурок, придавил его башмаком и подвинулся ближе к чабану.

— Не сердись, я думал, ты надо мною подшучиваешь, — сказал он. — Разве ты, прежде чем перегнуть отару на новое место, не сходишь туда сам?

— Только ленивый не поступит так, — согласился Мурад.

— И чем он может быть наказан?

— Он может потерять овец.

— Верно! Ты же знаешь, что Амударья не родничок, какие стекают с Копетдага.

— Знаю, — сердито буркнул Мурад. — Что ты меня экзаменуешь, такое знает каждый школьник!

— Если пустить воды Амударьи как попало, они могут уйти в песок или направиться туда, куда не нужно, — спокойно закончил свое объяснение мастер и полез в карман за новой папиросой.

Старый чабан потербил седую, жидкую бородку, провел рукой по усам и неопределенно пожал плечами. «Что с ней поделаешь, с этой рекой, если она решит уйти в песок?» — говорил его жест.

— А мы ей этого не позволим, — сказал Айдар Аширлиев. — Для того мы и воздвигли здесь буровую...

К беседующим подошел в измазанной глиной спецовке старший мастер Жигайлов. Он поздоровался с Мурадом и обратился к Айдару.

— Ты совсем замучил нашего гостя, надо его сначала потчевать чаем, — сказал он. — Идемте, чабан Мурад, в палатку.

Старик оперся на посох и поднялся с ящика.

Около палатки старший мастер придержал Мурада за локоть.

— Осторожно, яшули, там злая собака, может укусить, — сказал он. — У нее щенята...

Мурад высвободил локоть и смело прошел вперед, не замедляя шагов.

— Собака никогда не укусит чабана,— сказал он.

И на самом деле, бросившаяся из конуры ему навстречу большая рыжая сука вдруг остановилась, завиляла виновато хвостом и, опустив голову, подошла к чабану, стала тереться о его ноги.

Мурад опустился на колени и заглянул в собачью конуру. На соломе, тесно прижавшись друг к другу, лежали шесть пушистых, лобастых щенков. Лицо старого чабана помолодело от ласковой улыбки. Он мог пересечь всю пустыню, чтобы взглянуть на породистых щенков. Щенки были его страстью, всю жизнь он питал к ним особую любовь.

Просунув в конуру руку, чабан вытащил за холку самого рослого щенка высоко поднял его над головой. Глаза его светились детской радостью, он, казалось, забыл про все на свете.

— Ты мне нравишься, глупыш,— бормотал он, трепля щенка за вислые уши — Подрастешь и станешь хорошим сторожем. В твои владения не сунется ни один волк, ты ему спуску не дашь...

Нехотя, точно ему было больно расставаться со щенком, Мурад положил его на место и поднялся на ноги.

— Скажи, глава мастеров, волки навецают и вашу буровую вышку? — спросил он, глядя ластившуюся к нему суку.

— В песках бродят шакалы и лисицы, хороший сторож нужен и в нашем хозяйстве,— сказал старший мастер.

Старик согласно кивнул.

— Собака — друг человека,— вымолвил он.— Спасибо, что растишь, начальник, мне хороших помощников...

— Каких помощников, яшули? — удивился Жигайлов.

— А разве тебе мало одной хорошей собаки? — прищурившись, спросил Мурад.— Щенки мои, а сука твоя, не так ли?

Старший мастер весело расхохотался, погрозил гостю пальцем.

— Ну и хитер же ты, яшули! — воскликнул он сквозь смех.— Можно подумать, что мы обязались готовить для тебя кадры сторожей.

Жигайлов подошел к старому чабану и обнял его за плечи.

— Я пошутил, яшули,— сказал он.— Считаю, что щенки твои. Можешь забирать их, когда захочешь. Бери в придачу и суку.

— Нет,— возразил Мурад.— Вам тоже нужен сторож.

— Ладно,— сказал старший мастер.— Раз дело решено, прощай к нашему шалашу.

Мурад вошел в палатку и остановился у порога, пораженный ее уютом. Сквозь целлулоидные окошки в нее вливались лучи утреннего солнца. Вдоль брезентовых стен стояли аккуратно застеленные раскладушки, около каждой — тумбочка. Посреди палатки возвышался стол, на нем стояла баночка с букетом цветов. Два угла палатки закрывали ситцевые цветастые занавески.

Из-за занавески навстречу Мураду вышла молодая, смуглая женщина с ребенком на руках. Пастух недоуменно взглянул на Жигайлова.

— В пустыне женщина — чудо, — вымолвил он. — Откуда она?

— Не надумал ли ты жениться, яшули? — подмигнув чабану, спросил старший мастер.

— Я сам люблю пошутить, — наморщив лоб, сказал Мурад, — но серьезный вопрос требует такого же ответа. Может, я не ясно говорю?

— Не обижайся, — улыбнулся Жигайлов. — Если без шуток, то это наша повариха.

Женщина опустила ребенка на пол и, гремя тарелками, принялась собирать на стол. Делала она это быстро и ловко, чем сразу же завоевала расположение Мурада. Пастух следил за ее проворными руками, качал головой и улыбался. «Почему я до сих пор не догадался взять в пустыню жену? — про себя размышлял он. — Или мне не по нутру чистота и порядок? Она будет моим помощником в отаре, и у меня всегда будет хороший обед».

Мурад поморщился и безнадежно махнул рукой. «К чему мечтать о пустом? Жена не может оставить в селе детей одних. Они учатся, и им тоже нужен хороший обед. А я уже привык один в пустыне».

Пока Мурад был занят своим раздумьем, в палатке появилась еще одна женщина. Окинув прищуренным взглядом ее просторное платье, округло вздутое спереди, Мурад перевел глаза на старшего мастера. Темные, потрескавшиеся губы его раздвинула улыбка.

— Познакомься — моя жена, — сказал старший мастер.

Мурад осторожно пожал протянутую ему женщиной руку.

— Туркменская земля щедрая, если есть вода, — не пропадет ни одно зерно. Прорастет и даст хороший урожай, — сказал он.

— Мы, Мурад-ага, строители, а не крестьяне, — не забывай, — с улыбкой отозвался старший мастер.

— Я помню! И все-таки виды на урожай неплохие... Как думаете назвать мальчика?

— Откуда ты знаешь, что будет сын? — спросил, в свою очередь, Жигайлов.

— Туркменские степи любят, когда рождаются мальчики.

— Хоть ты и чабан, Мурад-ага, но рассуждаешь, как бай, — сказал старший мастер. — Почему ты не любишь, когда рождаются девочки?

— Кто тебе сказал такое?

— А как же еще понимать твои слова?

— У меня три сына и три дочери, — ответил Мурад. — И все мне дороги одинаково. Старший сын — агроном, второй — зоотехник, старшая дочь учится в Москве.

— В каком же она институте?

— Эмгону, что ли? В самом большом здании...

— В МГУ? А чему учится она?

— Мне и не выговорить: матмадык, что ли?..

— На физико-математическом? Что ж, это очень хороший факультет.

— А ты говоришь, что я против девочек! Кто может сказать, что я дал образование сыновьям и отказал в нем дочерям?

— Никто.

— То-то... Ты откуда сам родом?

— С Урала.

— Тогда назови сына Туркменом.

— Ты, Мурад-ага, читаешь наши с женой мысли, — засмеялся старший мастер

— Человек, у которого дочь матмадык, должен же кое в чем разбираться, — гордо произнес старый чабан.

— Ты что-то больно расхвалился, Мурад-ага, — усмехнулся Жигайлов. — Все я да я...

— Кто хвалит себя, у того корень гнилой, — сказал Мурад. — Я не хвалюсь, я говорю правду. Смотри сюда...

Он отвернул полу чекменя.

— Что это?

— Орден Ленина.

— Видишь, кого я ношу на груди! Я чабан и получил этот орден за сараджийскую породу овец, которую начал разводить колхоз. Схвати в моей отаре с закрытыми глазами любую овцу — каждая весит не меньше ста килограммов. Овец шатают их же курдюки! Некоторых старых баранов приходится тянуть за хвост, чтобы они встали на ноги. Хоть верьте, хоть нет, а бывали такие случаи, что у самых жирных овец от сильного испуга отрывались курдюки. Теперь вы видите, как дорог мне ваш подарок — лопухие щенки? Они вырастут надежными сторожами моей отары.

Мурад умолк, взял со стола пиалу с давно остывшим чаем и, отхлебнув глоток, снова поставил ее на место. Он любил чай, но поговорить любил еще больше: в пустыне редко встретишь человека, и приходится больше молчать.

— А ты, Айдар, из какого села? — спросил он по-туркменски бурового мастера.

— Из села Гями, что возле Ашхабада.

— Ты приехал оттуда прямо сюда?

— Нет, я много лет работал каменщиком в Небитдаге, — ответил мастер. — Когда началось строительство Каракумского канала, я решил переменить специальность. Я туркмен и знаю цену воде. В моей памяти навсегда осталось, как на маленьком клочке земли у отца гибло без воды все и мы, его дети, оставались без куска лепешки. Теперь скажи, Мурад-ага, мог ли я не поехать на строительство такого канала?

— Ты молодец, Айдар, — сказал Мурад.

— Твой земляк, Мурад-ага, способный человек, — вымолвил старший мастер. — Он скоро станет на буровой старшим мастером и заменит меня.

— Мой народ — трудолюбивый народ, — сказал Мурад. — Будет у него вдоволь воды, и тогда увидим, что он еще сможет сделать. Он превратит свою землю в цветущий сад.

— Может, ты, Мурад-ага, нам сыграешь на тьюдуке? — спросил Айдар.

Мурад охотно согласился. Он встал, закатал рукава чекменя, поднес к губам тьюдук и заиграл, поводя инструментом из стороны в сторону. Заскорюзлые пальцы пастуха быстро замелькали то вниз, то вверх по мундштуку тьюдука.

— Джан! Дж-ж-а-а-н! — подбадривал музыканта Айдар.

Окончив мелодию, Мурад опустил тьюдук, вздохнул и сел.

— О чем эта песня? — спросил Жигайлов.

— Это старинная пастушья песня «Акбилек», — ответил Мурад. — Кто не знает, что волки нападают на овец ночью? Днем чабану спокойнее. Так вот, однажды в такое спокойное время один чабан заметил, что к его отаре несутся с горящими глазами и раскрытыми пастьями три волка. Собак близко не было. Их увел подпасок на стан кормить. Что было делать безоружному чабану? Волки могли напасть на отару с разных сторон, бросься он с посохом к одному, другой в это время вопьется зубами в овечьи курдюки. А надо вам знать, что волки первым делом хватают овцу за курдюк, видно, им жир по душе не меньше, чем нам. Говорят, что, когда волку сказали, чтобы он перестал разбойничать, он ответил: «Когда курдюк перестанет быть вкусным, я тоже перестану быть злодеем!» Но чабан не растерялся. Он взял тьюдук и заиграл. Звуки долетели до слуха собак на стане.

Вожак Акбилек поднял голову, наострил уши и тут же сорвался с места. За ним к отаре помчалась вся стая. Волкам в тот день не удалось унести ноги.

Не успел Мурад кончить свой рассказ, как раздался залихватый лай суки и чье-то грозное рычание. Все выбежали из палатки. Огромный пес с обрубленными ушами и хвостом, весь оцетинившись, наступал на одного из рабочих, который отбивался от него палкой.

— Акбилек! — крикнул Мурад.

Пес поднял голову, завилял куцым хвостом, виновато подбежал к хозяину.

— Хоть и умный ты пес, а дурак, — насупив брови, сказал чабан. — Услыхал звуки тьюдука и прибежал — молодец, но зачем же поднимать шум? Ложись.

Акбилек лег у ног хозяина, положил голову с огромный пастушеский котел на его чокаи и, полузакрыв глаза, замер.

Солнце поднялось уже высоко над горизонтом, но еще не пекло, а лишь мягко пригревало. В его ярком свете особенно зелеными казались обширные луга майской пустыни.

Мурад попрощался со своими новыми друзьями, перекинул через плечо посох и зашагал к своей отаре. Акбилек трусил с ним рядом, забегал по временам вперед, вскидывая голову и заглядывая в глаза хозяину.

Бурильщики долго стояли молча у палатки, глядя вслед удаляющемуся чабану, словно провожали родного и самого любимого друга.

СТАРИК СЕРДИТСЯ

Бредущий по раскаленной дороге рыжебородый старик в длинном, не по росту чекмене и косматой коричневой папахе вдруг остановился и двумя руками оперся на свой кривой посох, подавшись всем телом вперед. Он, прищурившись, оглядывался вокруг и все больше хмурился. Известные ему с детства места изменились до того, что он не мог найти ни одной знакомой приметы. Старик был уверен, что вышел на солончаки восточной окраины Мары, но то, что лежало перед ним, заставило задуматься: не сбился ли он с пути и не забрел ли совсем в противоположную сторону?

Ему приходилось слышать о том, что в этих местах развернулось большое строительство, однако он никогда бы не поверил, что оно пойдет так быстро.

Перед стариком раскинулся веселый, светлый городок с красивыми одноэтажными домами, ровными улицами, засаженными молодыми деревцами, с маленькими площадями и скверами.

«Тут испокон веков было голое место и его покрывала вечная соль, неужели мои глаза стали видеть не то, что есть на самом деле? — пробормотал старик, трогаясь дальше в путь.— В гражданскую войну, я же хорошо помню, вышиб из седла на этих солончаках белогвардейца и едва сам не утонул с конем в соляной трясине. Разве этого не было? А теперь? На месте трясины стоят дома! Кто мог подумать, что на солончаке можно построить город, да еще за такой недолгий срок!»

Полуденное солнце поджало тени домов под самые стены. С пустыни дул вегер, но он не был таким раскаленным, как летом: он приносил с собой запах полевых цветов.

Старик вошел в городок и поплелся, постукивая посохом, к центру.

«Близнецы тоже похожи друг на друга, но у них есть приметы, по которым можно отличить одного от другого. А эти дома? Они похожи, как куриные яйца! — на ходу рассуждал он сам с собой.— И улицы тоже. Как найдешь, что тебе нужно? На углах улиц есть надписи, на стенах домов — цифры, а неграмот-

ному человеку что они могут рассказать? Кто же виноват? Эсен учился. Нуры учился. А ты почему не стал? Может, ты скажешь, что пастуху в пустыне около овечей отары грамота ни к чему? А разве Кандым не такой же чабан, как и ты, а он умеет и писать и читать. Если признаться по-честному, то во всем нашем ауле всего и найдешь двух неграмотных — Гончу да меня! Древнее, чем старуха, мать Чары, во всем ауле никого нет, да и та, посмотришь, нацепит очки и с важным видом читает газету. — Старик вздохнул и заключил: — Поздно ты спохватился, время твое ушло, как вода в песок...»

На углу старика обогнал парень в синем комбинезоне с множеством разных карманов и в брезентовых сапогах. Рукава его клетчатой рубахи были высоко засучены, открывая загорелые, мускулистые руки.

— Послушай,— остановил его старик,— я стал слаб глазами, скажи мне: что тут такое?

— Здесь находится центр управления строительством Каракумского канала.

— И ты тоже здесь живешь?

— Да, мне недавно дали квартиру.

— А в каком доме живет мой сын?

Парень сверкнул крепкими, белыми зубами и спросил:

— Может, вы, яшули, сначала скажете его имя?

— Чары, сын Черкеза. Он такой же здоровяк, как и ты. Работает на самом большом тракторе. Знаешь?

— Яшули, у нас на канале много трактористов, разве всех можно знать?

— Ты спроси у меня о любом жителе моего аула, и я тебе расскажу о нем все, хотя я и неграмотный! — насупился старик.— Ты же человек молодой, почему не знаешь моего сына?

— На строительство канала съехался народ отовсюду, тут работают люди самых разных национальностей, а ты хочешь, яшули, чтобы я всех знал,— оправдывался парень.

Старик с укором поглядел на него и покачал головой:

— По-твоему, выходит, что я должен возвращаться домой, не поведая своего сына? Так, что ли?

— На дороге стоит мой грузовик,— сказал парень.— Пойдемте, я подвезу вас до управления. Там должны знать, на каком участке работает ваш сын.

— Если такой молодец не знает, кто еще может знать? — усмехнулся старик. — Ты, я вижу, торопишься, ступай себе с богом. Говорят, кто расспрашивал, тот нашел Каабу, найду и я. Прощай.

Старик поправил на голове папаху, перехватил из одной руки в другую посох и зашагал через улицу к приглянувшемуся до-

му с открытой резной верандой. Он постучал посохом в дверь. На пороге появилась белолицая женщина в фартуке, перепачканном мукой. Она окинула старика недоуменным взглядом, потом улыбнулась и показала рукой в глубь комнаты:

— Проходите, пожалуйста.

Хотя старик и не понял ее слов, он все же не подал вида и, солидно откашлявшись, прошел в дом. Вытянув по-черепащью дряблую шею, старик неторопливо осмотрел комнату с таким видом, словно оставил когда-то свою вещь и теперь надеется ее найти.

— Может, вы знаете моего сына Чары? — спросил он.

Женщина уловила последнее слово и утвердительно закивала головой:

— Да, да... мой муж Чернов. Он инженер... Мы приехали из Пензы.

Старик посмотрел на нее долгим взглядом и улыбнулся. Женщина тоже смущенно улыбнулась.

— Мой муж немного знает по-туркменски, — проговорила она. — Подождите его, я вам налью чаю.

— Спасибо, большое спасибо, — наугад сказал старик, не поняв ни слова из того, что говорила женщина, и вышел из дому на улицу.

Наступило время обеда, и городок опустел. Старик переходил от дома к дому и думал: «Где-то тут я свалил на землю белогвардейца. Он рухнул с седла, как мешок...» Неожиданно ему вспомнился бой у станции Пески. Противник вел артиллерийский обстрел станции. Снаряды сыпались, словно град. Один разорвался совсем рядом с Черкезом, но не задел его ни одним осколком. Он убил наповал лучшего друга Черкеза. Тогда-то и поклялся Черкез отомстить за друга и в первом же сабельном бою надвое развалил на солончаке белогвардейца...

Много домов обошел старик до захода солнца, и все напрасно. В одних домах не понимали его, в других не понимал хозяев он, но всюду в городе его встречали тепло и приветливо.

Старик не видел сына уже больше года. Чары, как только узнал о строительстве Каракумского канала, так тут же собрался и уехал. Год от него не было никаких известий, и вдруг пришло письмо. «Сообщаю вам, дорогие родители, что я женился, — писал он. — Очень жалею, что вас не было на моей свадьбе. Мы с женой все время собираемся приехать к вам погостить, но задерживает работа. Работаем день и ночь, наши строители взяли обязательство пустить воду Амударьи в канал досрочно. Прошу вас, не обижайтесь, что так получилось...»

Старый Черкез ничего не имел против женитьбы сына, но то, что он женился без согласия родителей и не пожелал им пока-

зять свою невесту, больно задело его самолюбие. «В ауле, если кто собирается взять в дом невесту или хочет выдать дочь замуж, все прежде советуются со мной! — рассуждал он. — Меня считают яшули, почтенным человеком! А родной сын сначала женился, а потом сообщил. На что это похоже?»

Старик остановился и стукнул посохом о землю.

— Ни на что это не похоже! — вслух сказал он. — Я его даже видеть не желаю!

«А с другой стороны, если хорошенько рассудить, то в этом нет никакой беды... — тут же подумал он. — Жизнь идет вперед, обычаи меняются... Так? А если так, то отчего же ты ругаешь сына? Разве ты запретил бы ему жениться? Нет. Ну, а если бы даже и да, то ты же знаешь своего упрямого сына, он весь в тебя, разве бы он послушался? Женился — и правильно сделал! Но только надо было спросить разрешения родителей, а то выходит, что наше слово ничего и не значит? Чего еще желать нам, если он взял себе в жены девушку по любви? Пусть живут на здоровье...»

Старый Черкез долго не соглашался ехать к сыну. Он считал, что это очернит его седины, уронит достоинство. Но старухе в конце концов удалось сломить его упрямство.

— Один грех не убьет мужчину, — говорила она. — Может, и на самом деле ему было некогда! Кто не делал в молодости ошибок? Может, ты? Соберись и поезжай! Надо купить невесте подарки.

— Нет, он не нашел времени посоветоваться со мной, я тоже не нахожу времени ехать к нему, — упирался старый Черкез. — Пусть живет, как знает!

Старухе пришлось прибегнуть к последнему доводу.

— Сыновья, должно быть, идут по стопам отцов, — сказала она. — Разве ты советовался с родителями, когда тайком увез меня из родного аула? Тебя тогда простили, а ты не хочешь? Сын он тебе или нет?

Старый Черкез усмехнулся и стал собираться в дорогу.

— Ты, жена, меня перехитрила, — сказал он на прощание. Всю дорогу у него на душе было неспокойно.

«Хорошо, если сыну попалась добрая жена, — думал он, — а если нет? Если женился он на озорнице и крикухе? Приду я в их дом, а она скажет: «Вот ухвачусь, старый, за твою бороду и стану качаться, как на качелях!» Разве с такой стоворишься!»

Солнце уже стало клониться к холмам, когда старый Черкез, еле передвигая ноги, постучался в крайний по улице дом. На этот раз к нему вышел жилистый старик с кустистыми бровями, сросшимися на переносице. У него были большие серые глаза, добрые и ласковые. Он ни слова не знал по-туркменски. Два

старика так и разошлись бы, не поняв друг друга, не приди к ним на помощь соседка-татарка. Она взялась быть у них переводчицей.

— Скажи мне, ровесник, как тебя зовут? — спросил старый Черкез.

— Зовут Миколой, а фамилия Савченко,— ответил хозяин дома.— А тебя как? Черкез? Слышал такое имя, приходилось. Заходи, Черкез, в дом, гостем будешь

Старый Черкез не заставил себя упрашивать. Он вошел в кухню и сел у порога на стул. Но хозяин взял его за плечо и предложил:

— Проходи, пожалуйста, в комнату, там будет тебе удобнее.

Большой текинский ковер застилал весь пол. Хозяин бросил на ковер красную плюшевую подушку. Старый Черкез сел, поджав под себя ноги. Савченко ушел на кухню и вскоре вернулся с двумя чайниками, пиалами и сахарницей. Он налил гостю крепкого, душистого чая.

— Давно, Микола, живешь в наших краях? — через переводчицу спросил Черкез.

— Давно уже, неделю! — улыбнулся хозяин.— Я сам с Украины. Слышал, наверно, про такой город, как Харьков? — Он придвинул к гостю сахарницу.— Бери, Черкез, не стесняйся.

— Харьков? — задумчиво повторил старый Черкез.— Мой сын получил в боях за Харьков третий орден. Это тот самый Харьков?

— Другого нет.

— Я так и думал. А каким ветром занесло тебя в наши края?

Савченко прищурил глаза, пристально взглянул на гостя.

— А что, разве запрещено? — спросил он.

— Кто может запретить? — поспешил загладить неловкость от своего неуместного вопроса старый Черкез.— У нас места всем хватит, милости просим! Я спросил просто из любопытства.

— У меня дочь инженер, она роет Каракумский канал,— сказал хозяин.— Я приехал к ней в гости.

— Значит, мы с тобой в городе на одинаковом положении. Я тоже приехал навестить сына.

Хозяин согласно кивнул головой.

— Пока я гость, а думаю перебираться совсем. Свою Украину я люблю, но у вас тоже хорошо, да и к тому же тут дочь работает. Съезжу за старухой — и назад! Хотя по годам я уже и на пенсии, а сидеть сложа руки, когда идет такая стройка, не могу. Попрошусь на канал.

При последних словах старый Черкез поставил на ковер пиа-лу с недопитым чаем и придвинулся вплотную к хозяйну.

— Твои слова, ровесник, мне по душе, они будто вознесли меня на хорошего скакуна,— сказал он.— Я колхозник и хорошо знаю цену воде! Мой народ говорит: где вода, там и жизнь. Поэтому-то мы ждем не дождемся, когда к нам придут воды Амударьи. Много людей строят канал, вместе со всеми работает и мой сын.

Старый Черкез, наверное, о воде говорил бы долго, не распахнись дверь и не войди в комнату молодая женщина. Она взглянула на гостя, и лицо ее дрогнуло. Густой румянец залил щеки.

— Познакомься с моим гостем, Тамара,— сказал Савченко.

Женщина подошла к старому Черкезу и смущенно протянула ему маленькую, загорелую руку.

— Салам,— произнесла она.

Старый Черкез пожал протянутую ему руку двумя руками, снизу вверх с улыбкой глядя на молодую женщину. От его пристального взгляда не ускользнуло ее замешательство.

— Твоя дочь, ровесник, знает мой язык, как это приятно слышать,— сказал гость.

— Совсем немного,— вымолвила Тамара.— Научилась от мужа.

Старый Черкез не спускал с молодой женщины глаз. Ему нравились ее смуглое лицо с большим открытым лбом, заплетенные в косы и уложенные на голове короной волосы.

«Женись мой Чары на такой красавице, разве мог бы я долго носить в сердце на него обиду? Я простил бы ему то, что он не спросил моего согласия и сыграл без меня свадьбу»,— подумал он.

— Вот это и есть мой инженер,— нарушил затянувшееся молчание хозяйин.— Мне придется работать на канале под ее началом. Чего только не бывает в жизни!

Старик, не сгоняя с морщинистого лица улыбку, снова взглянул на Тамару.

— У нас говорят: не спеши хвалить человека, которого видел всего один раз,— сказал он.— Но если бы у меня была такая дочь, я, может быть, забыл и о непослушном сыне.

— Спасибо на добром слове, Черкез,— разглаживая седые усы, отозвался Савченко.— Она у меня умница.

— Не захваливай, отец,— сказала Тамара.— Все родители так говорят о своих детях.

Старый Черкез вздохнул и отрицательно покачал головой.

— У каждого по-своему,— проговорил он и, меняя тему разговора, спросил: — Я слышал от твоего отца, что ты инже-

нер. Скажи мне, как идет работа на канале? Скоро ли к нам придет Амударья?

— Скоро, Черкез-ага, совсем скоро. В нашем деле, как и в любом, встречается немало трудностей, но на канале работают хорошие люди. Они делают все возможное, что от них зависит.

Тамара взяла пустые чайники и ушла на кухню. Старый Черкез задумчиво поглядел ей вслед, затем перевел глаза на окно и торопливо поднялся на ноги. Он взял папаху, посох и направился к двери.

— Куда ты, гость? — спросил обеспокоенно хозяин. — Ты на что-нибудь обиделся? Сейчас будем обедать, не уходи.

— Ты прав, Микола, — сказал старый Черкез. — Я обижен, но не на вас, а на своего сына. Я завидую, что у тебя такая дочь! Спасибо за все, но я у вас засиделся, солнце уже хочет прятаться за холмы. Пока не наступила ночь, мне надо разыскать моего неудачника.

— Переночуй у нас, а завтра начнем поиски вместе, — предложил хозяин.

Старый Черкез печально покачал головой:

— Мое сердце все равно не будет спокойным, я должен найти сына сегодня.

В комнату с тарелками вошла Тамара, и он обратился к ней:

— Может быть, светлоокая серна, ты знаешь, где работает мой сын?

— А как зовут вашего сына? — живо спросила молодая женщина.

— Его зовут Чары, он тракторист.

— Чары Черкез? — покрываясь румянцем, повторила Тамара и сделала к старику нерешительный шаг. — Но он же не тракторист, а экскаваторщик!

— Нет, мой сын тракторист, — твердо сказал старик. — Может, у вас на канале два Чары Черкеза, который же мой сын?

— У нас нет другого, я прораб участка и знаю всех рабочих. Чары Черкез работает экскаваторщиком, — повторила молодая женщина.

— Я не виделся с ним больше года, может, он уже стал этим... как его, уссабаторщиком?.. Не знаю. Где же он теперь?

— На канале.

— Значит, его нет в городе?.. Выходит, мы с ним не встретимся сегодня. А когда ты, Тумар, его увидишь?

— Его? Его я увижу... сегодня...

— Ты поедешь на канал? Возьми и меня с собой.

Тамара взглянула на ручные часы.

— Вам незачем ехать на канал,— сказала она.— Он сейчас придет сам...

Не успела она произнести последние слова, как во дворе затахтел мотоцикл. Мотор заглох у дома. Через минуту на пороге вырос плечистый, высокий человек в запыленной рабочей спецовке.

— Отец! — воскликнул он и бросился к старику.

Старый Черкез насупился и повернулся к сыну боком. Он вертел в руках папаху, глаза его часто моргали.

— За что ты на меня сердиться, отец? — спросил Чары.— Неужели за то, что я не спросил тебя о женитьбе? Я никогда не думал, что в тебе так сильно живет старое.

— Старое... — передразнил старый Черкез и вскрикнул:— Кто ты такой, чтобы учить меня? Вытри с губ сначала материно молоко! Где ты видел, чтобы яйца поучали курицу, как их высиживать?

— Не будем ссориться, отец,— сказал Чары.— Мы же здесь не одни.

— То-то и оно, что не одни и в чужом доме,— буркнул старый Черкез,— а то бы я прошелся по твоей спине посохом! Ступай вперед и веди меня в свою лачугу.

— В какую лачугу? Я не понимаю...

— Я вижу, что тебе женитьба высушила мозги, ты стал совсем бестолковым,— сказал старый Черкез.— Я говорю, веди меня отсюда в свой дом.

— Но это же мой дом, отец! — сказал Чары.

Он подошел к молодой женщине и обнял ее за плечи.

— Я вижу, отец, ты еще ничего не знаешь,— продолжал он.— Скажи ему, Тамара, что ты моя жена и что этот дом наш.

Старый Черкез долго не мог прийти в себя. Он молча стоял посреди комнаты с зажатой в кулаке папашой, уронив к ногам посох.

Лицо его постепенно стало светлеть. Морщины разгладились, и наконец широкая улыбка раздвинула его скорбно поджатые, обветренные губы. Он подошел к невестке и сыну, привлек их головы к своей груди.

— Мог ли думать, мог ли я ожидать, что все так хорошо получится?.. — растроганно пробормотал он и, отвернувшись к окну, провел папашой по глазам...

СОДЕРЖАНИЕ

Песчаной запруде не сдержать потока. <i>Перевод</i> <i>Ю. Карасева</i>	3
Волчья впадина. <i>Перевод Ю. Карасева</i>	13
Пастух. <i>Перевод А. Ференчука</i>	31
Старик сердится. <i>Перевод А. Ференчука</i>	39

Берды Мурадович Кербабев

ПАСТУХ

Редактор — **П. А. КРАВЧЕНКО**

Технический редактор **Я. М. Борисов.**

Сдано в набор 15/IV 1971 г. А 00931. Подписано к печати 29/VI 1971 г.
Формат бум. 70×108^{1/2}. Объем 2,10 условн. печ. л. 2,75 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 1512. Зак. № 1151.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

**ПРИБОРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ
ЛОТЕРЕИ!**

В нашей стране ежегодно издается громадное количество книг самого различного содержания. Только в Российской Федерации в прошлом году было выпущено 47 130 книг и брошюр общим тиражом 1 миллиард 5 миллионов 184 тысячи экземпляров.

● Довести это колоссальное книжное богатство до широких слоев городского и сельского населения возможно лишь при активном участии общественности и самих книголюбов. Хорошей формой массового вовлечения их в эту работу служит книжная лотерея, проводимая Комитетом по печати при Совете Министров РСФСР с марта 1965 года.

● Книжная лотерея проводится исключительно в интересах советских читателей. Ее отличительная особенность состоит в том, что она постоянно действующая. В соответствии с утвержденным положением ежегодно проводится по 4 выпуска лотереи, общая сумма которых составляет 20 миллионов рублей. Для этого изготавливается 80 миллионов лотерейных билетов достоинством в 25 копеек.

● В каждом выпуске 6 миллионов 900 тысяч выигрышей на 4,5 миллиона рублей: выигрыши в 50 копеек, 1 рубль, 3 рубля и 5 рублей. Общая сумма выигрышей составляет 90 процентов к стоимости всех реализованных билетов.

● Вторая, не менее важная особенность книжной лотереи состоит в том, что у нее нет тиражей. Выигрыши заранее заложены в опечатанном билете. Каждый обладатель «счастливого билета» может отоварить его на месте, или в любом другом книжном магазине, или в киоске в течение всего срока действия данного лотерейного билета. Иными словами, читателю предоставлено право самому выбрать любую книгу или, скажем, стамп, альбом для марок или набор художественных открыток.

**ТОВАРИЩИ! ПРИБОРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!**